

Михаил Тихомиров
Труды по истории Москвы

«Языки Славянской Культуры»

Тихомиров М. Н.

Труды по истории Москвы / М. Н. Тихомиров — «Языки
Славянской Культуры»,

Труды выдающегося русского историка академика М.Н. Тихомирова (1893–1965) составили значительный этап в развитии москвоведения, связывая историю Москвы с закономерностями развития всей страны и совершенствуя научные методы постижения этой истории. Сборник содержит фундаментальную монографию «Средневековая Москва в XIV–XV веках», работы исследовательского и научно-популярного характера, посвященные различным аспектам и периодам истории столицы, а также страницы воспоминаний автора – коренного москвича.

Содержание

С. О. Шмидт	5
I	20
НАЧАЛО МОСКВЫ[32]	20
ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ И ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ[70]	31
СКАЗАНИЯ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ[81]	37
II	45
ПРЕДИСЛОВИЕ[102]	45
РОСТ И ЗАСЕЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ	46
ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ	46
ТОПОГРАФИИ	
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КРЕМЛЬ	46
МОСКОВСКИЙ ПОСАД И ОКРЕСТНОСТИ ГОРОДА В	48
XII – X III ВЕКАХ	
СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕМЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ	52
XIV ВЕКА	
ПЕРВЫЕ КАМЕННЫЕ ЗДАНИЯ В МОСКВЕ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Николаевич Тихомиров

Труды по истории Москвы

С. О. Шмидт

М. Н. Тихомиров – историк Москвы

Автор родился и всю почти жизнь провел в Москве, и ему не для чего писать о своей преданности и любви к родному городу. Как всякий москвич, он любит свой город, его славное прошлое и великое настоящее. Пусть же эта книга, хоть в малой степени, ответит тому горячему интересу, который каждый из нас проявляет к истории нашей прекрасной столицы.

М. Н. Тихомиров. Древняя Москва

Такими словами закончил М. Н. Тихомиров предисловие к своей книге – первой в советское время монографии о Москве XII–XV вв. М. Н. Тихомиров был подготовлен к такому обобщающему труду всем своим предшествующим творчеством исследователя и краеведа.

Великокняжеский дворец
Миниатюра из «Книги об избрании и венчании на царство
царя и великого князя Михаила Федоровича...»,
рукопись 1672 г., Оружейная палата
(прориски по изданию)

Михаил Николаевич Тихомиров родился в Москве 19 мая (по старому стилю) 1893 г. В 1912–1917 гг. он – студент отделения истории историко–филологического факультета Московского университета. В 1923–1934 гг. преподает в средних учебных заведениях Москвы, с 1934 г. – в высших учебных заведениях исторического профиля: с 1934 г. на историческом факультете Московского университета (в 1946–1948 гг. декан, с 1953 г. – заведующий основной им кафедры источниковедения); в довоенные годы – в Московском институте истории, философии и литературы и в Московском государственном историко–архивном институте. Много лет работал в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея, а затем и заведовал им. С Москвой связана и деятельность ученого с 1935 г. в Академии наук (членом–корреспондентом которой он стал в 1946 г., действительным членом – в 1953 г.) – в Институте истории, позднее в Институте славяноведения; в 1953–1957 гг. он – член президиума АН СССР и академик–секретарь Отделения исторических наук; с 1956 г. – председатель возрожденной им Археографической комиссии. Московскими издательствами напечатаны почти все его книги (начиная с дипломного сочинения, изданного в 1919 г., – М. Н. Тихомиров заявил о себе в науке сразу книгой!) и документальные публикации. В Москве 2 сентября 1965 г. М. Н. Тихомиров скончался; он похоронен на Новодевичьем кладбище, на площади, где происходят траурные церемонии.

М. Н. Тихомиров – историк очень широкого диапазона, и хронологического, и географического, и проблемно—тематического, даровитый педагог – создатель научной школы и видный организатор науки. Основные труды написаны им в 1930–1960-е гг. Он автор более десяти книг, сотен статей исследовательского характера, первооткрыватель и публикатор многих письменных исторических источников, инициатор и ответственный редактор научных изданий («Сводный каталог славяно—русских рукописных книг, хранящихся в СССР», «Очерки истории исторической науки в СССР», «Археографический ежегодник», возобновленное по его инициативе Полное собрание русских летописей, сочинения историков В. Н. Татищева, В. О. Ключевского, М. Н. Покровского и др.). В то же время он – составитель учебных пособий и вузовских, и школьных – по истории и географии, источниковедению и палеографии, практик музейного и архивного дела, популяризатор исторических знаний (брошюры и методические рекомендации, статьи в газетах и еженедельниках, публичные лекции и доклады), пропагандист учебного кино (еще на рубеже 1920–1930-х гг.!), убежденный и страстный защитник памятников истории и культуры.

Основная сфера исследовательских интересов М. Н. Тихомирова – отечественная история с IX по XIX в., история славянских народов и Византии, специальные исторические дисциплины – источниковедение, историография, историческая география, археография (т. е. выявление, собирание, описание и издание письменных источников), палеография.

Именно М. Н. Тихомиров показал, что средневековая Русь была страной высокоразвитой городской жизни, первым обобщил данные о народных движениях, написал многоплановое исследование по исторической географии России в XVI столетии, характеризующее и особенности социально—экономического и политического развития отдельных регионов огромной страны. Много трудов посвящено им деятельности государственных учреждений (земских соборов, приказному делопроизводству), международным связям (особенно с южнославянскими народами), внешней политике России и русским полководцам, происхождению названий «Русь» и «Россия», месту России во всемирной истории (в основе его посмертно изданной книги «Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв.» – лекции, прочитанные в Париже в 1957 г.). Видное место в творчестве ученого занимали проблемы истории нашей культуры X–XVIII вв. (труды о городской письменной культуре Древней Руси, «Слове о полку Игореве», Андрее Рублеве, о роли Новгорода и Москвы в развитии мировой культуры, о библиотеке московских государей, начале книгопечатания, М. В. Ломоносове и основании Московского университета, о «народной» культуре и источниках ее познания и др.).

Отличительная черта трудов М. Н. Тихомирова – сочетание собственно исторического и источниковедческого исследования. Специально в источниковедческом плане написаны книга «Исследование о „Русской Правде“» (1941; в основе ее – докторская диссертация), незавершенная монография о начале русского летописания, многие статьи и предисловия к публикациям памятников письменности (первых новгородских берестяных грамот, сказаний о Куликовской битве, Соборного уложения 1649 г., документов монастырских архивов, публицистических сочинений XVI–XVII вв. и др.). На протяжении десятилетий ученый выявлял летописные памятники во всех хранилищах Москвы и издал обзор их.

В 1968–1979 гг. издательством «Наука» издано посмертно шесть книг избранных трудов академика М. Н. Тихомирова – преимущественно статей (в том числе не опубликованных при его жизни), подобранных по тематическому принципу: «Русская культура X–XVIII вв.» (1968), «Исторические связи России со славянскими странами и Византией» (1969), «Классовая борьба в России

XVII в.» (1969), «Российское государство XV–XVII вв.» (1973), «Древняя Русь» (1975), «Русское летописание» (1979). Издательством «Московский рабочий» переизданы в 1991 г. работы ученого в книге: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв.

Но даже самые сложные по тематике работы, самые изощренные текстологические штудии М. Н. Тихомиров старался писать доступным языком. Задача ученого, утверждал он, «заключается в популяризации науки, а вовсе не в том, чтобы эту науку сделать достоянием лишь немногих».¹ «Историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт. Историк – это и писатель. Иначе ему нечего браться за такой труд», – писал он в одной из последних своих статей в газете «Известия» в 1962 г.² И не только широта и многообразие интересов, но и подход к форме изложения исторического материала сближает М. Н. Тихомирова с великими демократическими традициями отечественной исторической науки, восходящими еще к Н. М. Карамзину и продолженными другими крупными историками XIX в.

М. Н. Тихомиров сумел сделать очень много. Он обладал великим даром трудолюбия, умел работать при всех обстоятельствах, никогда не жаловался на то, что приходится много трудиться. Он радовался творческой работе, как птица полету, считал это естественной формой своего существования. Даже путешествуя, он вел записи, не только отмечая виденное, а иногда и делая зарисовки зданий или архитектурных деталей, но и поверяя бумаге свои первичные соображения исторического характера. Писал он быстро, четким почерком, обычно без помарок, в последние десятилетия печатал на машинке. Имел, как правило, сразу же ясное представление об объеме готовящейся к печати рукописи и умел укладываться в намеченный объем. М. Н. Тихомиров гордился мастерским владением «ремеслом» историка и умело делал всю так называемую черновую работу; относился к ней уважительно и сердился на учеников (а человек он был не легкого характера!) за небрежность в научном аппарате, отсутствие унификации в оформлении статей и документальных публикаций. Высоко ценил умение легко читать древние тексты, быстро находить нужное место в книге. И школа Тихомирова была для учеников его не только школой мысли, но и «цехового ремесла» историка и, главное, преданной любви к труду историка.

Библиографические материалы о творчестве М. Н. Тихомирова издавались неоднократно начиная с 1953 г.,³ а в 1974 г. отдельной книгой было опубликовано научное описание рукописного наследия М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук⁴ (исследователь много лет возглавлял ученый совет этого архива). В 1987 г. в академической серии «Научные биографии» вышла книга о М. Н. Тихомирове его ученицы профессора Е. В. Чистяковой, в которой широко использованы и документы архивного фонда ученого, а в особом разделе охарактеризовано изучение им средневековой Москвы.⁵

Ознакомление с печатными трудами М. Н. Тихомирова, с документами его архива, с материалами учреждений, где он работал, убеждает, что интерес к познанию и исследованию прошлого Москвы и Московского края характерен для творчества ученого на протяжении всего его жизненного пути. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что помимо многих работ, сами заголовки которых с очевидностью свидетельствуют о прямом отношении к истории Москвы,⁶ большинство трудов М. Н. Тихомирова, посвященных историческим событиям XIII и последующих столетий, в той или иной мере касаются также истории Москвы.

¹ Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 348.

² Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны (Памяти академика М. Н. Тихомирова). М., 1967. С. 17.

³ Михаил Николаевич Тихомиров: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1963. Литература 1963–1983 гг. о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова указана в статье И. Е. Тамм (Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 250–255). См. также: Шмидт С. О. О наследии академика М. Н. Тихомирова // Вопр. истории. 1983. № 12. С. 115–123. Литература 1983–1990 гг. указана в «Археографическом ежегоднике за 1990 год» (М., 1991).

⁴ Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И. П. Староверова. М, 1974.

⁵ Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987.

⁶ Труды эти перечислены в составленной Л. И. Шохиним библиографии в книге: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1991.

Это и обобщающего типа работы по отечественной истории (включая учебные пособия) и истории отечественной культуры, и подготовленные к печати летописи и Соборное уложение 1649 г. Деятельность земских соборов происходила в Москве, и о приказном делопроизводстве ученый рассуждает главным образом на примере московских дьяков и подьячих. Москва была и центром внешних сношений Российского государства. Московские служилые люди и делцы участвовали в подавлении городских восстаний. К Москве тяготели монастыри, документы которых интересовали М. Н. Тихомирова. Москва была средоточием русской культуры и культурных связей с южнославянскими народами. Здесь начиналось книгопечатание, хранилась библиотека великих князей, а позднее был основан первый в России университет. Многие описанные и опубликованные ученым памятники письменности создавались или бытовали в Москве. В Москве творили и о Москве писали те историки, которым посвящал свои статьи М. Н. Тихомиров. События московской истории стали сюжетом и литературно—художественных произведений ученого (в большинстве своем оставшихся неопубликованными), а язык московских приказных XVII в. он любил имитировать в пародийных «грамотах» (академик Б. А. Рыбаков напомнил на заседании памяти М. Н. Тихомирова о его «шутливых челобитных», о «переписке во время заседаний, когда он стилем древнерусского дьяка излагал события современности, давая остроумные характеристики современников»⁷) и т. д., и т. п. С Москвой связана и тематика многих диссертаций и дипломных сочинений молодых ученых, научным руководителем которых был М. Н. Тихомиров. Тема «Москва и ее прошлое» всегда была в поле зрения М. Н. Тихомирова – исследователя и пропагандиста научных знаний, профессора и организатора науки.

Определить роль М. Н. Тихомирова в развитии краеведения, так же как и место краеведения в его многообразном научном творчестве, в его педагогической, просветительской, организаторской деятельности, непросто. Недостаточно выделить работы краеведческой тематики в массиве его сочинений и выявить факты его личного содействия развитию краеведения (печатными трудами, организацией музеев, выставок, изданий, участием в повседневной работе краеведческих обществ, направлением интереса своих учеников и сотрудников). Существенно отметить и обращение его к краеведческой литературе и приемам, свойственным работе краеведа, при подготовке трудов иной, более широкой, проблематики и рассчитанных на восприятие другого читателя, нежели потребитель сочинений о достопамятностях того или иного «края».

Но все—таки в творческой биографии М. Н. Тихомирова можно выделить период, когда он преимущественное внимание – во всяком случае, в подготовленных для печати трудах – уделял краеведческой тематике: с 1917 г. и до разгрома краеведческих обществ и изданий в 1929–1930 гг. И это время было школой формирования выдающегося исследователя и педагога. Вероятно, тяге к краеведческой тематике и столь легкому творческому вхождению в нее способствовал сам путь становления историко—культурных интересов М. Н. Тихомирова еще в детстве и в годы учения в средней и высшей школе.

М. Н. Тихомиров родился близ Таганки. В семье конторского служащего Мо—розовской мануфактуры осталось в живых пять сыновей. Михаил был четвертым. Уклад жизни был мещанский, но отец любил читать, прививал детям любовь к литературе и истории. И знаменательно, что введение к книге «Древнерусские города» (1946) М. Н. Тихомиров закончил словами: «Свою книгу я посвящаю памяти моего отца Н. К. Тихомирова, первого моего учителя в

⁷ Рыбаков Б. А. Михаил Николаевич Тихомиров // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 29–30. Такая шуточная переписка М. Н. Тихомирова и С. В. Бахрушина во время одного из заседаний ученого совета МГУ в послевоенные годы сохранилась. См.: Шмидт С. О. С. В. Бахрушин и М. Н. Тихомиров (По архивным материалам) // Проблемы социально—экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 72–73. См. также: Шмидт С. О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова) // Археографический ежегодник за 1965 г. С. 29–30; Чистякова Е. В. Указ. соч. С. 30–31.

знакомстве с историческими памятниками, кому я обязан своей любовью к русской истории». В воспоминаниях, которые академик М. Н. Тихомиров писал (или диктовал) и редактировал в последние свои годы, много места уделено московской жизни, начиная с его детских лет. Эти бытовые зарисовки Москвы и Подмосковья (дачных местностей, ныне вошедших в черту города) представляют немалый интерес и для краеведа. Так, о Медведкове, где позднее назовут его именем улицу, читаем: «Медведково в то время было очаровательной местностью, поблизости от Свиблова. Оба села стояли на Яузе и были окружены вековым лесом». Сильное впечатление уже в детстве производили на него и памятники старинной архитектуры; позднее он утверждал, что архитектурой крепости Симонова монастыря «Москва могла бы гордиться не в меньшей степени, чем гордятся своими замками французы и немцы».

Однако мальчик оказался надолго оторванным от Москвы и семьи: в 1902–1911 гг., получив стипендию директора Морозовской фирмы, он стал учиться в закрытом Коммерческом училище в Петербурге, которое и закончил с золотой медалью. Но там, вспоминал М. Н. Тихомиров, «проиграв в знании древних языков», он «получил некий возмещающий эквивалент в виде законоведения, политической экономии и прочих предметов, которые не изучались в гимназиях и реальных училищах». Особенно же важным оказалось то, что в старших классах преподавал историю приват—доцент Петербургского университета Борис Дмитриевич Греков — будущий знаменитый историк. Он заметил у юноши «интерес к истории», пригласил к себе, рассказывал об изучении прошлого, говорил об истории России, познакомил с альбомом древнерусской скорописи, «зародив навсегда интерес к русской письменности». Именно в этой связи в статье, посвященной памяти академика Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомиров напишет в 1958 г.: «Счастливы те люди, которые могут вызвать в молодых душах интерес к науке, к знанию»⁸ (эти слова М. Н. Тихомиров мог с полнейшим правом отнести, прежде всего, к самому себе!) Подаренную — возможно, именно в тот день — фотографию красивого человека лет под тридцать с уважительной надписью: «Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову на добрую память. Б. Греков, 28.V.1911» мы, ученики Михаила Николаевича, видели затем на стене его холостяцких комнат в Москве — и в маленькой, длинной, на втором этаже деревянного флигеля во дворе дома 46 по улице Герцена, и тогда, когда, став членом—корреспондентом АН СССР, он занимал уже две комнаты в коммунальной квартире двухэтажного дома на углу Беговой улицы и Хорошевского шоссе, и в последней просторной отдельной квартире — в высотном доме на Котельнической набережной (на третьем этаже, над кинотеатром «Иллюзион»). Выпускное сочинение в училище юноша писал на тему «Исторические взгляды А. С. Пушкина». Сочинение это не дошло до нас; но вряд ли там можно было обойти трагедию «Борис Годунов», столь важную для познания жизни Москвы XVI — начала XVII в.

«Кандидат коммерции» твердо решил заняться русской историей. Однако помехой поступлению в Московский университет были не только обязательство «отработать» бесплатное обучение и материальные трудности в семье, но и необходимость сдавать экзамены по древним языкам. В течение года молодой служащий конторы Рябушинских в Китай—городе, получавший уже немалое по тем временам жалованье (40 рублей в месяц), «начиная с азбуки», сумел подготовиться к этим экзаменам и впоследствии не раз обращался к источникам на древних языках. В воспоминаниях воспроизведен разговор его отца с директором фирмы, от имени которого он получал стипендию в училище: «Что же, Миша думает быть профессором Московского университета» Для этого нужны деньги!»

В университете М. Н. Тихомиров много занимался у лучших профессоров. Позже, размышляя о задачах высшего образования, ученый не раз возвращался к впечатлениям тех лет. Он проходил школу изучения источников — и по русской истории и по зарубежной: законодательных памятников, актов, житийной литературы. «Определяющим учителем» для него

⁸ История СССР. 1958. № 5. С. 57.

стал Сергей Владимирович Бахрушин – ровесник Грекова, происходивший из образованной семьи богатейших московских купцов, известных благотворительностью и страстью к собиранию книг и других памятников культуры. М. Н. Тихомиров занимался под его руководством историей Новгорода и Пскова, но сам—то С. В. Бахрушин в то время как исследователь с особым интересом изучал прошлое Москвы: незадолго до поступления М. Н. Тихомирова в университет была опубликована работа Бахрушина о хозяйственной деятельности московских великих князей, в 1917 г. – большая статья «Московский мятеж 1648 года». К статье этой и по тематике и даже по терминологии заголовка – «мятеж» – близко дипломное сочинение М. Н. Тихомирова о Псковском мятеже 1650 г.⁹ Написание обоих исследований было обусловлено возрастающим интересом к истории классовой борьбы в канун великих революционных событий 1917 г.

Прошлое Москвы очень интересует в студенческие годы и М. Н. Тихомирова. Среди немногих сохранившихся (или сохраненных им в его архиве) рукописей тех лет – конспекты трудов по истории Москвы, особенно московского церковного зодчества, выписки из материалов описаний подмосковных селений и их церквей, зарисовки (точнее сказать, чертежи) храмов и усадеб Подмоскovie.¹⁰ Можно предполагать, что сюжеты истории Москвы и ее культуры уже тогда были предметом взаимных интересов учителя и ученика.

Такая подготовка, или самоподготовка, оказалась настолько основательной и выверенной на практике при ознакомлении с памятниками Подмоскovie, что это сразу же выявилось в необычайной по творческой интенсивности его работе краеведческого характера в городе Дмитрове, где М. Н. Тихомиров начал службу в союзе кооператоров: сначала практикантом по внешкольному образованию, затем инструктором по краеведению. Ему поручили организовать Музей истории родного края.¹¹ Тогда только вырабатывался тип уездного краеведческого музея с тремя главными разделами: современной промышленности и промыслов, природы и историко—культурным. Первоначально фонд музея пополнялся силами одного инструктора – заведующего музеем, «которому приходилось ездить по району для собирания материалов, вести техническую работу в музее по обработке этого материала, нести на себе хозяйственные обязанности и переговоры по делам музея».¹² Пополнялись материалами сразу разные отделы. Задачей было не только собрать материалы для музея, но и сохранить памятники истории и культуры, оставшиеся в покинутых прежними хозяевами усадьбах (вещественные памятники, книги, семейные архивы). По указанию М. Н. Тихомирова сфотографировали «виды» города Дмитрова – сейчас это уникальный источник познания внешнего облика небольшого старинного среднерусского города в первый год революции. Особо интересовали его карты, топонимические данные. Видимо, уже тогда он начал сверять содержащуюся в них информацию с визуальными наблюдениями, с современной лексикой, со сведениями письменных источников, тем более что ему поручено было написать историческую часть «Ежегодника по Дмитровскому уезду за 1918 год». Сохранились его заметки о некоторых селах – своеобразные эссе, в которых отражено и то, что было почерпнуто из известных уже источников, и предания, бытующие среди местного населения, и личные впечатления от поездки.

Позднее, обретя уже большой опыт краеведческой работы, М. Н. Тихомиров в анкете второй половины 1920–х гг. «Краеведы Московской губернии», отвечая на вопрос: «Начало вашей краеведческой деятельности. Кто имел на вас влияние, при каких обстоятельствах», скромно написал: «Начал работу в Дмитрове, работал над созданием Музея родного края с

⁹ Переиздано в кн.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVI в. М., 1969.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 693 (М. Н. Тихомиров), оп. 2, д. 60, 61, 287.

¹¹ Подробнее об этом см.: Хохлов Р. Ф. М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 315–318.

¹² Из отчета Дмитровского союза кооператоров за 1918 год. Цит по: Филимонов С. Б. Малоизвестные материалы о деятельности академика М. Н. Тихомирова в 1918–1923 гг. // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989. С. 104.

окт[ября] 1917 г. по май 1918 года. Работать тогда по краеведению не умел и работу вел плохо; наибольшее влияние на меня имел дмитр[овский] краевед Алексей Иванович Байдин». А. И. Байдин – агроном, земский служащий, был осенью 1917 г. гражданским комиссаром Дмитровского уезда, содействовал организации музея, передал туда библиотеку справочного характера и познакомил М. Н. Тихомирова с архивными материалами по истории города и уезда.¹³

М. Н. Тихомиров стал и первым экскурсоводом музея. Среди осмотревших экспозицию 1 мая 1918 г. – поселившийся тогда в Дмитрове Петр Алексеевич Кропоткин, знаменитый ученый—географ, революционер и мыслитель; сотрудниками молодого директора по организации музея стали дочери другого бывшего князя, Дмитрия Ивановича Шаховского – видного кадета, автора работ о П. Я. Чаадаеве, декабристах, близкого друга академика В. И. Вернадского.

Вынужденный семейными обстоятельствами переехать к старшему брату в Ильинский погост близ Егорьевска, М. Н. Тихомиров служил там в библиотеке, видимо, обрабатывал материалы по истории Дмитровского края и, во всяком случае, продолжал копить наблюдения и размышлять об источниках познания истории народа. Характерно его признание: «Вспоминая об этих временах, я часто думаю, что для меня большим счастьем было знакомство с провинцией, хотя бы и близкой к Москве, потому что только провинция может дать представление о настоящей жизни...»

Зимой 1919 г., в трудное голодное время для Москвы и Подмосковья, М. Н. Тихомиров получил приглашение от своих знакомых А. М. Земского и его жены Надежды, сестры писателя М. А. Булгакова, приехать на библиотечную работу в Самару. Там вскоре М. Н. Тихомиров оказался, в связи с наступлением белых, на полтора месяца новобранцем Чапаевской дивизии. Освобожденный по близорукости, когда миновала непосредственная опасность для Самары, от военной службы, он стал работать в библиотеке, музее, архиве, преподавать. Деятельно участвовал в работе местного научного общества краеведческого типа – Общества истории, археологии и этнографии при Самарском университете. Сблизился с крупным историком древнерусской литературы академиком Владимиром Николаевичем Перетцем и его женой (позднее, в 1943 г. Варвара Павловна Адрианова–Перетц стала членом—корреспондентом АН СССР, возглавила Отдел древнерусской литературы в Пушкинском доме в Ленинграде). Преподавая, М. Н. Тихомиров и сам обучался у них палеографии и текстологии. Именно в это время М. Н. Тихомиров особо проявил себя и в сфере, которую теперь принято называть полевой археографией. Он спас, в буквальном смысле слова жертвуя собой и серьезно заболев, рукописи старообрядческих Иргизских монастырей и архив и семейные вещи Аксаковых, остававшиеся в их родовом имении. Тогда же он готовил к печати статьи по истории селений Самарского края – работы в русле типично краеведческой тематики.

В 1923 г., после закрытия Самарского университета, М. Н. Тихомиров возвращается в Москву, где работает в средних учебных заведениях преподавателем географии и обществоведения. Он интенсивно включается в краеведческую работу и уже тогда начинает последовательно (первоначально несколько лет как внештатный неоплачиваемый сотрудник) изучать и описывать рукописи, прежде всего летописи, в Историческом музее.

Еще в Самаре М. Н. Тихомиров подготовил к печати статью, имеющую прямое отношение к истории города Дмитрова, – «Князь Юрий Иванович Дмитровский», о жизни и трагической кончине дяди Ивана Грозного. Это первый труд ученого по политической истории России XVI в. Тогда уже выработалась и система включения в собственно историческое изложение наблюдений источниковедческого характера. Автограф статьи сохранился лишь в архиве Дмитровского музея. На полях первой страницы рукою автора написано: «В Дмитров-

¹³ Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии / Подг. к печати С. Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 299, 300.

ский музей родного края. Г. Дмитров. Московской [губернии]», на последней – дата «20 февраля 1922 года».¹⁴

Вскоре по возвращении в Москву М. Н. Тихомиров стал готовить небольшую книгу о городе Дмитрове. В предисловии к ее изданию, датированном 7 января 1925 г., автор пишет, что этот «небольшой очерк» «в основных своих чертах» был задуман в 1918 г., и работа «была продолжена по возобновлении связи с Дмитровским музеем, в прошлом году», т. е. в 1924–м. В предисловии же отмечается, что история города рассматривается «в экономическом разрезе. История города неотделима от вопросов торговли и промышленности; ими определяется в большинстве случаев рост и падение городов. Попутно я говорю о числе населения и внешнем виде города. Вопросы быта, администрации и политической истории оставлены мною в стороне, так как они заслуживают особого изучения».¹⁵ Эти формулировки, видимо, дань времени, когда официально господствовали взгляды М. Н. Покровского и преимущественное внимание предписывалось уделять истории торгового и промышленного капитала и революционного движения. На самом деле в книге представлена и достаточно широкая история города, и его топография с характеристикой важнейших улиц, площадей, даже зданий, а в примечаниях и в «Библиографии» указана многообразная литература (включая публикации источников) о Дмитрове и его уезде. Небольшая книжка «Город Дмитров. От основания города до половины XIX века» вышла как второй выпуск трудов Музея Дмитровского края в 1925 г.

Книга эта – первая в ряду изданий такой проблематики об отдельных небольших городах – вызвала отклики в печати тех, кто особенно много сил отдавал в то время развитию краеведения. Н. А. Гейнике писал в «Листке краеведа», что «книжка увлекательна для современного читателя, живо интересующегося вопросами экономики», а «для школьного работника... является превосходным пособием». Профессор И. М. Гревс в программной статье 1926 г. «История и краеведение» выделил издание, приглашая «к дальнейшему следованию по этому пути», а в 1927 г. напомнил, что М. Н. Тихомиров «выпустил удачно составленную монографию „Город Дмитров“».¹⁶

В Москве М. Н. Тихомиров становится деятельным участником работы культурно–исторического отделения (секции) Общества изучения Московской губернии (области) в 1925–1930 гг.¹⁷ Он был с октября 1926 г. секретарем секции, с 1929 г. – заместителем ее председателя, состоял и в издательской комиссии Общества, предложил в 1925 г. образовать комиссию по изучению городов Московского края; с 1929 г., в связи с работой по подготовке историко–географического словаря, он стал председателем президиума историко–географической комиссии. Видимо, М. Н. Тихомиров принимал участие в работе нескольких комиссий, так как, отвечая 2 августа 1930 г. на вопрос анкеты члена Общества, подчеркнул названия нескольких комиссий, в работе которых желал бы участвовать: культурно–исторической, экономической, школьно–краеведческой, искусствоведческой, изучения мелкой промышленности (любопытно, что не названа им комиссия «по изучению г. Москвы».)

М. Н. Тихомиров выступал не раз с докладами (некоторые из них становились основой статей в периодических изданиях «Московский краевед» и «Московский край в его прошлом») и в прениях по другим докладам. Сначала тематика его докладов была связана с историей Дмитрова и Дмитровского уезда. На 1930 г. была запланирована работа по аграрной истории

¹⁴ Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 393. Статья впервые напечатана в этом издании (С. 155–169).

¹⁵ Там же. С. 170. Основной текст книги перепечатан в этом издании с учетом изменений, сделанных в связи с подготовкой нового издания ее в конце 1950–х гг. Замысел этот не был осуществлен тогда.

¹⁶ Об этом см.: Филимонов С. Б. Материалы о М. Н. Тихомирове в журнале «Краеведение» // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 221.

¹⁷ Подробнее см.: Шмидт С. О. Работа М. Н. Тихомирова в 1920–е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы) // Археографический ежегодник за 1973 г. С. 167–172; Филимонов С. Б. Историко–краеведческие материалы архива Обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

Иосифо—Волоколамского монастыря. Доклады 1928–1929 гг. в значительной мере явились результатом экспедиционной деятельности, предпринятой летом 1928 г. тоже по инициативе М. Н. Тихомирова. Он предложил достаточно детально разработанный план «выборочного обследования селений Дмитровского края» по определенной схеме: «1. Название селений. 2. Местоположение селений. 3. Исторические данные о селении. 4. Взаимоотношения села и деревни. 5. Исчезнувшие села и деревни. 6. Памятники старины, сохранившиеся на местах (архивы, церкви, усадьбы и пр.)» и указал конкретно те «уголки уезда», которые следовало бы обследовать в первую очередь. М. Н. Тихомиров в течение трех недель исследовал – сопоставляя известия летописей, писцовых книг, актов с топографическими и топонимическими наблюдениями – Олявидовщину (в том числе место битвы 1181 г. на р. Веле), Песношский монастырь, селения, связанные с водным торговым путем, составил карту селений и урочищ конца XVI в., расспрашивал местных жителей, прежде всего старожилов, особое внимание обращая на памятники старинного искусства.

При подготовке историко—краеведческого словаря Московской области предлагалось выделить темы: «Историческое прошлое города», «Культурный облик города», «Благоустройство города», «Культурное влияние города на близлежащий район», «Революционные события в городе», «Выдающиеся уроженцы города». За М. Н. Тихомировым закреплялось руководство работой по составлению исторической части словаря. Он готовил и совещание местных краеведов, занятых обработкой словарных материалов. Уже тогда сказались склонности М. Н. Тихомирова к коллективным трудам, желание привлечь к совместной деятельности специалистов и в центре, и на местах.

Особо следует выделить работу М. Н. Тихомирова по подготовке «Атласа и рабочей тетради по географии Московской области». ¹⁸ В разделе атласа «Культурное состояние» предполагалось составить карты и список наиболее интересных музеев области, отметить «все памятники искусства и старины», воспроизвести «виды старинных памятников области», «виды местностей, связанных с революционным движением». В «Объяснительной записке» М. Н. Тихомиров – руководитель работы – рассматривал «Атлас...» как школьно—краеведческое пособие по географии и обществоведению. Планировалось созвать секционные совещания краеведов области и «широкого профиля совещание краеведческих организаций». Однако осуществлению этих намерений помешало преследование краеведческих обществ в 1929–1930 гг.

И М. Н. Тихомиров отошел – во всяком случае, в организационном плане – от собственно краеведческой работы. Перестал заниматься краеведением и его любимый брат – талантливый историк Борис Николаевич Тихомиров, с именем которого связаны достижения калужского краеведения второй половины 1920–х гг. (впоследствии он погиб во время сталинских репрессий). ¹⁹

Деятельность в Обществе изучения Московской губернии отвечала в ту пору многообразию и широте научных и общественных интересов М. Н. Тихомирова, его склонности к комплексному изучению различных типов и разновидностей исторических источников (комплексное изучение источников вообще было характерно для краеведения тех лет) и к конкретному «визуальному» ознакомлению с памятниками прошлого и остатками давней жизни, его потребности в широком распространении научных знаний. Творчеству М. Н. Тихомирова уже тогда было свойственно стремление к синтезу прошлого и настоящего, к выяснению в настоящем следов прошлого, а в прошлом – корней современности.

¹⁸ См.: Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии / Подгот. к печати С. Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1973 г. С. 298–310.

¹⁹ См. о нем: Артизов А. Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Обзор материалов о жизни и деятельности // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 111–123.

Просветительно—учебную работу, рассчитанную и на восприятие учащимися средней школы, М. Н. Тихомиров, однако, продолжает. На рубеже 1920–1930 х гг. он много сил отдает учебному кино (по истории, по географии), выступает перед сеансами и произносит дикторский текст в кинотеатре «Баррикады» (напротив зоопарка), печатает методические инструкции в журнале «Учебное кино», консультирует серию фильмов «Московский край».

Учебно—методические задачи ставил М. Н. Тихомиров перед собою и тогда, когда готовил первые статьи уже по истории города Москвы. Они были написаны в помощь учителям, для облегчения им работы при возобновившемся преподавании гражданской истории. В журнале «Преподавание истории в школе» (1936, № 3 и 4) публикуются его очерки «Из истории Москвы» («Начальная история Москвы» и «Рост города в XIV в.»). Пробует силы ученый и в написании литературно—художественных произведений о прошлом Москвы; одно из них — пьеса «Великое смятение (Картины из эпохи восстания 1648 г. в Москве)» сохранилась в его архиве в трех редакциях.

Но вскоре М. Н. Тихомиров приступил уже в исследовательском плане к изучению «древней Москвы». Она стала темой его работы в Институте истории Академии наук: он выступил там с докладом такой тематики, предполагал к концу 1941 г. завершить небольшую книгу «Москва в период феодальной раздробленности». Именно эти подготовительные материалы взял он с собой в Среднюю Азию, куда переехал с эвакуированным университетом. (Не мыслящий себя вне круга учащейся молодежи, профессор М. Н. Тихомиров предпочел ехать не с академическим институтом в более удобный для жизни и буквально заполненный в то время деятелями культуры Ташкент, а в жаркий Ашхабад.) В июле 1942 г. он просил в письме виднейшему тогда москвоведу П. Н. Миллеру «оставить за ним» эту плановую работу, так как «все уже обдумано и частично написано»; и при отсутствии книг его «спасает древняя Москва».²⁰ Работа по написанию большого объема книги, как «целого произведения», началась с января 1943 г.

Подготовка этой книги может рассматриваться и как результат предшествующих трудов ученого, а также и как существеннейшая часть занимавшего его в те годы исследования о городах средневековой Руси. Несомненно воздействие очень плодотворной деятельности конца 1930–х гг., когда М. Н. Тихомирову пришлось определять информационные возможности всего основного массива письменных источников в отечественной истории до XIX в. (в период подготовки учебного пособия по источниковедению, где охарактеризованы важнейшие памятники письменности, содержащие сведения о прошлом Москвы, и где приведено в виде примеров немало ссылок на факты, отражающие именно московские события) и методику их исследования.

К тому времени у М. Н. Тихомирова уже оформилось социологическое представление о типологии средневекового города, о «городском строе» Древней Руси, имевшем, как он полагал, много общего с такими же явлениями в других европейских странах, о месте средневекового города в социокультурной среде.

Все в большей мере утверждалось у М. Н. Тихомирова и представление о характере источниковой базы подобного исследования. Уже его личный опыт ознакомления с прошлым города Дмитрова и его уезда, селений Самарцины, опыт историографии (прежде всего труд И. Е. Забелина о Москве), опыт краеведения убеждали в том, что нельзя ограничиваться письменными источниками, тем более что современных событиям памятников письменности XII–XV вв. известно крайне мало. М. Н. Тихомиров привлекает и письменные источники более позднего времени (не только поздние списки ранее созданных памятников, но и сочинения последующих веков), словесные устные источники — фольклор, топонимику, этимологию раз-

²⁰ Подробнее см.: Шмидт С. О. Послесловие // Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1991.

говорной речи, особенно ее архаизмов, изобразительные и вещественные памятники. Использовались им также и приемы извлечения ретроспективной информации, визуального наблюдения над уцелевшими остатками старины. М. Н. Тихомиров придавал большое значение природно—географическим условиям в жизни общества, местным, даже, казалось бы, мало-значительным природным особенностям.

М. Н. Тихомиров воспринимал прошлое не умозрительно, отнюдь не только по книгам и архивным документам. Он ощущал внутреннюю потребность видеть то, о чем пишет. Исторические явления существовали для него всегда в определенной естественно—географической среде и бытовом окружении. М. Н. Тихомиров объездил или исходил пешком многие места нашей страны. Он старался проверить *de visu* данные литературы и народных преданий, выявить границы и внешние отличительные черты давних поселений, охарактеризованных в его трудах. И заносил эти наблюдения в путевые записи, которые делал ежедневно, пока свежи впечатления. Ему не нравились скорые «туристские» наскоки. Он предпочитал вдумчиво и внимательно ознакомиться с местностью, с памятниками старины, приглядеться к новым для него людям, к их обычаям; и в краеведческом музее он начинал знакомство с отдела природы, выясняя для себя влияние ее на местный бытовой уклад (мне довелось наблюдать все это во время совместной поездки в Великий Устюг и Сольвычегодск летом 1951 г.).²¹

Подготовка монографий о древнерусских городах и о древней Москве велась, по существу, одновременно, что обогащало осмысление обоих комплексов проблем: развития городской жизни в XI – первой половине XIII в. (на примере многих городов и разных регионов Восточной Европы) и во второй половине XIII–XV в. (на примере уже одного, но крупнейшего города). Для обеих книг характерно всестороннее исследование средневекового города с акцентами на социо—экономические и культурные аспекты. Книги, вышедшие в издательстве Московского университета одна за другой («Древнерусские города» в 1946 г.; «Древняя Москва» в 1947 г.), воспринимались как некое единство.

Сходство обеих монографий обнаруживается не только в подходе к историческим явлениям и источникам информации о них, но и в самом распределении материала по разделам и внутри разделов, во «внутреннем строе» изложения, даже в манере его: насыщенность фактографическими наблюдениями и четкость обобщения социологического порядка, строгая последовательность, даже повторяемость, элементов построения разделов; простота языка с вкраплением цитат или отдельных слов из старинных памятников письменности, часто в переводе автора. Такой научно—литературный стиль (напоминающий об опыте преподавания в школе) обеспечивал доступность книг ученого и для так называемого массового читателя.

Отдельные разделы книг М. Н. Тихомиров, по своему обычаю, публиковал в виде статей, а сведения по истории Москвы обобщил, как и прежде, и в учебно—методическом плане, напечатав три статьи в журнале «Преподавание истории в школе» (1946. № 3, 4, 5). Любопытно отметить, что М. Н. Тихомиров охарактеризовал в статьях для учителей всю историю Москвы до того времени, когда столицей стал Петербург, – последняя статья озаглавлена: «Москва в XV–XVII веках».

В книге «Древняя Москва» восемь глав: «Начало истории Москвы», «Великокняжеская Москва», «Великие князья в борьбе за власть против князей—совладельцев и бояр», «Московская торговля и купечество», «Московское ремесло и московские ремесленники», «Иностранцы в Москве», «Рост и заселение городской территории», «Московское просвещение и литература». В приложении опубликованы четыре повести о начале Москвы и схема города и его окрестностей в XIV–XV вв.

²¹ Шмидт С. О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова) // Археографический ежегодник за 1965 г. С. 14–16. Путевые заметки эти частично опубликованы в кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. С. 410–412.

Оба широкомасштабных исследования сохраняли особенности, свойственные краеведческой литературе, где пристальное внимание уделяется топографии и топонимике города, истории отдельных улиц, обстоятельствам и срокам заселения городских районов, быту и укладу жизни различных слоев населения (организации и расположению торгов и ремесленных мастерских, церквям, монастырям и кладбищам и т. д.), памятникам культуры местного происхождения и вообще знаменитым местным памятникам истории и культуры. Такие частности, обычно привлекательные для краеведа, экскурсовода (а сам М. Н. Тихомиров, уже бывший признанным профессором, в послевоенные годы доставлял себе удовольствие, выступая в роли экскурсовода, рассказывая своим ученикам о зданиях и дворах в Китай—городе), имели существеннейшее значение для книги, как и краеведческие работы «частного» порядка, на которые автор ссылаясь.

И это вообще характерная черта некоторых книг М. Н. Тихомирова, восходящая, думается, к краеведческим началам его творческой биографии. В книге «Древнерусские города» главам типологически обобщающего характера о городском населении, борьбе за городские вольности и внешнем виде городов предшествовала самая большая глава – «Географическое размещение городов», представляющая собой совокупность микроисследований о 65 городах. И позднее, в книге «Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.» (1955), замечен схожий прием исследования. М. Т. Белявский проникновенно напишет об этом в статье «Памяти большого ученого»: «Это настоящий сборник великолепных маленьких монографий о восстании в разных городах и землях Древней Руси, монографий, показывающих, как нужно искать и находить источники там, где, казалось бы, никаких шансов на это нет; как их использовать и как писать кратко, ярко, убедительно и интересно».²² Важно заметить, что во введении к этой книге сам М. Н. Тихомиров пишет: «Эта работа основана на длительном и внимательном изучении источников. Но автор ее ставил перед собой не только исследовательские, но и популяризаторские задачи...»²³ Такие же задачи стояли перед ним и при подготовке книг о древнерусских городах и Москве. Но подобные приемы – и обращения к источникам, и описания исторических явлений – заметны и в более академической по стилю изложения книге «Россия в XVI столетии», подготовленной к печати уже незадолго до кончины М. Н. Тихомирова. В основе книги начала 1960-х гг. – университетский спецкурс 1950-х гг., когда на лекции для цитирования Михаил Николаевич приносил не только издания источников (летописей, писцовых книг, актов), но и работы краеведов с закладками, пометами на полях и между строк. Так он приучал молодежь к уважительному отношению к этой литературе.

Ученый закрепил основные свои выводы и наблюдения и в главах готовившегося к печати первого тома академического издания «Истории Москвы» (книга вышла в свет в 1952 г.). М. Н. Тихомиров выступил 9 сентября 1947 г. с докладом «Первые два века Москвы» на общем собрании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном 800-летию Москвы, читал публичные лекции о Москве и ее роли в образовании централизованного государства (в Политехническом музее в 1947 г. и в 1951 г., в Московской партийной школе). 6 июня 1954 г. академика М. Н. Тихомирова попросили выступить при открытии памятника Юрию Долгорукому в Москве; 23 ноября 1954 г. об истории Москвы он говорил в Доме пионеров. В личном архиве его сохранились краткие тезисы этих выступлений (М. Н. Тихомиров не имел дара ораторской импровизации и обычно готовился к публичным выступлениям; но разговорный его язык отличался образностью, меткостью и точностью характеристик).

В середине 1940-х гг. формируется школа учеников М. Н. Тихомирова, готовивших под его руководством дипломные сочинения и диссертации. И нетрудно обнаружить неугасающий интерес и учителя, и учеников к тематике по истории Москвы, к историческим сочинениям,

²² Белявский М. Т. Памяти большого ученого // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1966. № 1. С. 10.

²³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 5–6.

написанным в Москве. Особо следует выделить диссертацию Дины Исааковны Тверской, ставшую основой ее книги «Москва второй половины XVII века – центр складывающегося Всероссийского рынка» (1959), изданной под редакцией академика М. Н. Тихомирова. Много сделала для изучения Москвы Д. И. Тверская и как музейный работник – автор музейных экспозиций и теоретик музейного дела. Накануне своей кончины 10 августа 1975 г. она готовила статью и доклад на тему «М. Н. Тихомиров и музеи», основанные на привлечении и архивных материалов.²⁴

Проблемы истории средневекового города и особенно Москвы той поры привлекают внимание ученого и позднее. Накапливается новый фактический материал, возникают новые соображения, формулируются новые обобщающего характера наблюдения. И снова одно за другим выходят исследования: «Древнерусские города» (1956) и «Средневековая Москва в XIV–XV веках» (1957).

В предисловии к новой книге о Москве М. Н. Тихомиров писал, что исследование основано на книге «Древняя Москва», «но оно не является просто переработкой более раннего текста». Задача той книги была: показать, что Москва впервые названа в летописях уже городом и развивалась как все возрастающий город, связанный и с международным обменом. Но «теперь нет необходимости эту мысль доказывать, так как она уже принята в нашей исторической литературе». И потому «основная задача» новой книги – «более или менее всестороннее освещение жизни русского средневекового города XIV–XV столетий. Исследование ограничено рамками этих столетий, потому что предшествующие века в истории Москвы освещены только немногими письменными свидетельствами и археологическими находками, сделанными на ограниченной территории». С конца же XV в. начинается для Москвы «новый период». Внешние показатели этого: строительство Кремля и переустройство посадов при Иване III; в области политической истории – и для истории России и для истории Москвы – присоединение Новгорода и падение татарского ига.

Построение и распределение материала новой книги заметно отличается от книги 1947 г. Там сведения о ремесле и ремесленниках приведены в одной небольшой главе; в книге же 1957 г. две главы: «Московское ремесло» и «Ремесленное население Москвы. Черные сотни и слободы». Значительно больше материала приведено о торговле и московском купечестве, о московском просвещении и литературе. Появились новые главы – «Московское боярство», «Митрополичий двор. Церкви. Монастыри. Духовенство», «Классовая борьба и восстания черных людей», «Городские бедствия и происшествия». Приложен указатель географических, этнографических и топографических названий. В то же время исключено приложение с повестями о начале Москвы.

Мартом 1956 г. датирована записка М. Н. Тихомирова о составлении «Московского некрополя».²⁵ Он, видимо, знал то, что сделано было в этом направлении П. Н. Миллером и другими москвоведом. В записке предлагалось составить «полный список захоронений выдающихся лиц, похороненных в Москве, памятники или могилы которых сохранились до настоящего времени». Отмечая особое значение надгробных надписей как важных источников по истории культуры и о прошлом Москвы, М. Н. Тихомиров считает необходимым цитировать их в описании памятников, а «наиболее замечательные могилы» фотографировать. «Московский некрополь» должен был стать и «своего рода охранным документом».

Первый том издания, по его мнению, следовало посвятить захоронениям в Кремле, на Красной площади, в Китай-городе, «дальнейшая работа проводится по отдельным кладбищам». Однако замысел этот остался тогда неосуществленным.

²⁴ О работах Д. И. Тверской см.: Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 354–358, 370–371.

²⁵ Записка М. Н. Тихомирова 1956 г. о составлении «Московского некрополя» // Археографический ежегодник за 1989 г. С. 305–306.

М. Н. Тихомиров, издавна тесно связанный с музеями, активно участвовал в работе Музея истории и реконструкции г. Москвы (в частности, выезжал на места вновь открытых старых зданий или фрагментов их и приглашал на такие консультации своих учеников), в создании Музея имени Андрея Рублева. Он помог сохранению основных принципов экспозиции Оружейной палаты, утверждая в выступлении на совещании 1955 г., что Оружейная палата «создает впечатление колоссального богатства и колоссальной заботы о собирании вещей». ²⁶ М. Н. Тихомирова волнуют не только судьбы музеев и памятников истории и культуры, но и то, что у научной молодежи не воспитывается потребность в познании этого. В статье 1956 г. о подготовке молодых ученых к исследовательской работе он с огорчением и недоумением даже замечает: «...знакомство с памятниками старины, столь многочисленными в Москве, считается необязательным для историков. Иной аспирант—историк просидит в Москве три года и за это время ухитрится ни разу не повидать московские исторические памятники; например, пишет о 1905 годе и не побывает на Красной Пресне». ²⁷

Темы «История Москвы» и «Памятники Москвы» и в дальнейшем сопутствуют творческим устремлениям М. Н. Тихомирова. Москве и Московскому краю отведено существенное место и в его фундаментальном труде историко—географического характера «Россия в XVI столетии». Эта монография вышла в том же 1962 г., что и небольшая книга «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы» — результат неумолимых изысканий в течение сорока лет. Книга эта, по мысли М. Н. Тихомирова, должна была стать «путевой нитью для других исследователей».

Готовил к печати М. Н. Тихомиров (с помощью Н. Н. Покровского, ныне члена—корреспондента АН СССР) и описание собранной им коллекции рукописей. Описание части этой коллекции — трехсот рукописей — опубликовано было уже после кончины ученого, в 1968 г. Эту ценнейшую коллекцию собиратель еще при жизни передал в дар Сибирскому отделению Академии наук СССР. Именно академик Тихомиров стоял у истоков возрождения славных традиций дарения народу и государству замечательных частных коллекций. Ученый был убежден, что переселенцы берут с собой на новые места самое дорогое — книги и иконы; поэтому стал инициатором организации археографических экспедиций в Сибири — в результате произошло то, что позднее назовут «археографическим открытием Сибири». ²⁸ «Тихомировское собрание» в Новосибирске (рукописи, старопечатные книги, иконы, подбор палеографических пособий) и поныне остается научной опорой развернувшихся там исследований истории народной культуры.

В первой половине 1960-х гг., благодаря статье М. Н. Тихомирова о библиотеке московских государей, опубликованной в журнале «Новый мир», ²⁹ возродился интерес и серьезных ученых к этой таинственной сокровищнице древних рукописных книг на греческом, латинском и древнееврейском языках. Вопросы эти обсуждаются на заседаниях общественной комиссии, возглавляемой М. Н. Тихомировым, на страницах еженедельника «Неделя» и в других изданиях. ³⁰ Возвращается он и к теме о начале московского книгопечатания: опять—таки, как и в исследовательском плане, так и в научно—популяризаторском. М. Н. Тихомиров был научным руководителем работы по вскрытию гробниц Ивана Грозного и его сыновей в Архан-

²⁶ Выступление М. Н. Тихомирова 20 января 1955 г. на совещании о работе Музеев Московского Кремля / Подгот. к печати М. Т. Белявский // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 352.

²⁷ Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны (Памяти академика М. Н. Тихомирова). С. 11.

²⁸ Шмидт С. О. Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 11–20; Деревянко А. П., Покровский Н. Н. М. Н. Тихомиров и сибирская археография // Археографический ежегодник за 1973 г. С. 202–203.

²⁹ Тихомиров М. Н. О библиотеке московских царей: Легенды и действительность // Новый мир. 1960. № 1. С. 196–202. Перепечатано в кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. С. 281–291.

³⁰ Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982. С. 64.

гельском соборе Московского Кремля, выступал об этом с докладами, статьями в газетах. Особенно памятна яркая статья «Последние из рода Калиты»³¹ в газете «Известия», перепечатанная посмертно в одной из книг его избранных трудов. Академик М. Н. Тихомиров до конца дней своих оставался исследователем и просветителем, пропагандистом исторических знаний в широких слоях народа.

В 1967 г. именем М. Н. Тихомирова названа улица в Москве, в районе новостроек, в Медведкове (сам Михаил Николаевич был противником изменения старых и привычных названий улиц). В 1969 г. установлена памятная доска на высотном доме на Котельнической набережной, где ученый жил с 1954 г. и где находилось «Тихомировское собрание» памятников культуры. Именем Тихомирова назвали аудиторию в здании исторического факультета Московского университета (сначала в старом, а затем в новом здании) и установили мемориальную доску. На титульном листе «Археографического ежегодника», начиная с выпуска 1968 г., значится: «Основан в 1957 г. академиком М. Н. Тихомировым». С 1968 г. ежегодно проводятся и Тихомировские чтения – пленарные заседания или конференции Археографической комиссии, посвященные жизни и деятельности ее основателя, актуальным проблемам археографии и близких к ней наук, изучающих документальные памятники.

Академик Михаил Николаевич Тихомиров любил свой родной город, гордился тем, что он коренной москвич, история Москвы оставалась сквозной темой его творчества. И москвичи могут гордиться делами и славой своего земляка, еще при жизни ставшего классиком нашей исторической науки.

---

³¹ Перепечатана в кн.: Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVIII веков. С. 81–83.

I

РАННЯЯ ИСТОРИЯ МОСКВЫ

НАЧАЛО МОСКВЫ³²

Археологические исследования установили, что территория Москвы была заселена с древнейших времен, но на страницах письменных источников Москва появляется очень поздно, только под 1147 годом. Первые известия о Москве неизменно дают понять, что перед нами небольшой окраинный пункт на западной границе богатой Владимиро—Суздальской земли. В то же время, нет никаких оснований утверждать, что в 1147 году Москва была совсем новым поселением. Летопись говорит о ней как о пункте небольшом, но так или иначе населенном. «Приди ко мне, брате, в Москову», – приглашает Юрий Долгорукий своего союзника Святослава Ольговича. И тот вместе с сыном и небольшой дружиной приехал в гости к Юрию на праздник Похвалы Богородицы. На другой день Юрий устроил обильное угощение для приезжих и поднес Святославу с его спутниками большие дары. «Обед силен», устроенный Юрием для гостей, общее веселье, обмен дарами, – все это предполагает, что Москва была удобным местом для встречи почетных гостей, где было достаточно припасов и хмельных напитков для шумного и сытного пиршества. Итак, история Москвы становится известной только с 4 апреля 1147 года,³³ но начинается она раньше, имеет свой предысторический период, может быть, уходящий корнями в самое отдаленное прошлое.

Раннее заселение территории Москвы устанавливается находками, сделанными в разных частях города. При постройке здания Оружейной палаты в Кремле были обнаружены две массивные серебряные витые шейные гривны; при устье ручья Черторыя (дворец Советов) и у Симонова монастыря найдены арабские диргемы IX века. Это первый показатель того, что бассейн Москвы—реки рано был втянут в торговые связи с отдаленными странами Востока. Люди, владевшие арабскими монетами, жили в разных концах обширной территории, занятой современным городом. Говорить о существовании Москвы в IX веке как города неосторожно, но можно положительно утверждать, что район Москвы в это столетие был уже заселен.

Свидетелями древней жизни на территории Москвы являются городища. Одно из них находилось у Андроньева монастыря, при впадении ручья Золотой Рожок в Язу, другое у церкви Николы в Драчах, или Грачах. Эта церковь стояла на «холме угловом при двух лощинах, орошенных течением Неглинной и ручья».³⁴

Район Москвы представлял значительные удобства для поселенцев. Вдоль реки здесь тянулись большие заливные луга, густые сосновые леса давали хороший строительный материал.

Славяне нашли в районе Москвы относительно редкое население, передавшее им свои или более древние названия значительных рек, тогда как мелкие реки и озера были прозваны славянами заново. Такой вывод становится еще более обоснованным, если только мы обратимся к более детальному изучению московской топонимики. В пределах самой Москвы мы

---

³² Первая из ряда статей, обобщавших сведения по истории Москвы в учебно—методическом плане, материал которых вошел в монографию: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (М., 1947). Воспроизводится по изданию: Преподавание истории в школе. 1946. № 2. С. 21–30. – Прим. ред.

³³ Святослав приехал в Москву «в день пяток, на Похвалу святой Богородицы», что приходится на пятницу 4 апреля 1147 года (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 241).

³⁴ Русский исторический сборник, изд. ОИДР. М., 1829. Кн. III.

найдем несколько маленьких речек с названиями, которые трудно объяснить из славянского языка. Таковы речка Пресня с Бубной, речка Сара, приток Яузы – Чечера, Сетунь, Неглинная.

Перед нами очень важное явление, указывающее на непрерывность устной традиции в передаче названий рек на территории ранней Москвы. Древние названия небольших речек могли сохраниться только при условии существования постоянных поселений в ее районе, иначе эти речки остались бы безымянными или получили бы прозвище от новых поселенцев. Относительная заселенность московской территории говорит о возможности существования здесь какого-то населенного пункта, городка или ряда городков задолго до XII века.

Два больших племени восточных славян оказали решительное влияние на заселение Залесской земли – кривичи и вятичи. Граница между теми и другими выяснена археологическими исследованиями. Поселения вятичей были выдвинуты на север, до реки Москвы, течение которой очерчивает примерные границы вятических поселений. Севернее ее жили кривичи, южнее вятичи. Однако в районе Москвы поселения вятичей переходили речную границу на север, вторгаясь в кривическую зону большим мешком. По заключению А. В. Арциховского, «Московский уезд за исключением небольшого куса на севере был весь вятическим».³⁵ Ясно, что славянское население пришло в район Москвы с юга. Москва была городом вятичей.

Таким образом, Москва—река очерчивает границу между двумя лесными зонами, являясь в то же время границей между вятичами и кривичами.

В позднейшее время (XIV век) мы сталкиваемся с тем, что земли к югу от Москвы считались рязанскими. К их числу принадлежали Лопасня и Коломна.

Рязанская земля, как это доказал А. В. Арциховский, признавалась страной вятичей. Рязань была вятическим городом. Она была крупнейшим центром племени, почему поздние летописи и считают возможным заменять ставшее непонятным слово «вятичи» привычным словом «рязанцы».³⁶ Принадлежность территории Москвы к земле вятичей, возможно, объясняет нам и замечательную языковую особенность московского говора – аканье, которое сближает его с южнорусской диалектической ветвью, хотя наиболее древние и культурные города северо—восточной Руси расположены в современной области окающих говоров. Московское аканье, вероятно, явление древнее, находящее себе объяснение в заселении московской территории вятичами.

Тем не менее, в первом известии 1147 года, которое нами было приведено выше, Москва оказывается городом, принадлежавшим не рязанским, а ростово—суздальским князьям. Слова «приди ко мне, брате, в Москову» не оставляют никакого сомнения в том, что Москва была городом Юрия Долгорукого. Позже Москва неизменно оказывается во владении также ростово—суздальских, а не рязанских князей, хотя ближайшие Лопасня и Коломна до конца XIII века остаются рязанскими волостями. Позднейшие легенды считали Юрия Долгорукого основателем города Москвы, но те же легенды помнили о еще более раннем московском владельце, о боярине Стефане Ивановиче Кучке. На легендах о Кучке не стоило бы долго останавливаться, если бы не было надежды обнаружить в них какое-то зерно старых воспоминаний о первоначальной Москве. Предания о Кучке дошли до нас в двух поздних повестях, или сказаниях, о начале Москвы. Одна из этих повестей носит название «О начале царствующего великого града Москвы, како исперва зачатся». Она начинается рассуждением о том, что древний Рим возник на крови, а потому и Москва, как третий Рим, также возникла «по кровопролитию же и по закланию кровей многих». В доказательство этому приводится следующий рассказ:

«В лето 6666, т. е. в 1158 году, великий князь Юрий Владимирович шел ис Киева во Владимир град к сыну своему Андрею Юрьевичу, и пришел на место, где ныне царствующий

³⁵ Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

³⁶ Там же.

град Москва, по обеим сторонам Москвы—реки села, красныя. Этими селами владел тогда боярин некий богатый именем Кучка Стефан Иванов. Тот Кучка очень загордился и не почтил великого князя подобающе честью, какая полагается великим князьям, но и поносил его к тому же. Князь великий Юрий Владимирович, не стерпя его хулы, повелевает того боярина схватить и смерти предать и сыновей его, Петра и Акима, молодых и очень красивых, и единственную дочь, такую же красивую, именем Улиту, отослал во Владимир к сыну своему, князю Андрею Юрьевичу. Сам же князь великий Юрий Владимирович взошел на гору и обозрел с нее очами своими там и здесь по обе страны Москвы—реки и за Неглинною. И полюбил же села оныя и повелел на том месте вскоре сделати малый деревянный город и прозвал Москва город по имени реки, текущей под ним. И потом князь великий уехал во Владимир к сыну своему князю Андрею Боголюбскому и сочетал его браком с дочерью Кучковой. И велел сыну своему князю Андрею Боголюбскому град Москву людьми населить и распространить».³⁷

Далее говорится об Андрее Боголюбском, о его убийстве и наказании убийц.

Известна и другая повесть, которая носит все черты народного устного сказания, какой—то исторической песни. Порой эта повесть сбивается на песенный лад, с типичными оборотами народной поэзии. Она начинается словами: «И почему было Москве царством быть и хто то знал, что Москве государством слыти».

Повесть рассказывает, что на берегах реки Москвы когда—то стояли «села красные хороши» боярина Кучки и его двух сыновей Кучковичей. Князь Данило убил Кучку, а двух его сыновей за их красоту взял к себе во двор, пожаловал одного в стольники, а другого в чашники. Братья понравились княгине Улите Юрьевне и сделались ее любовниками. Преступная связь должна была обнаружиться, и Улита вместе с Кучковичами задумала убить князя. Братья напали на князя во время охоты. Спасаясь от преследования, Данило подбежал к реке Оке и умолял перевозчика перевезти его на другой берег реки, обещая подарить дорогой перстень. Перевозчик потребовал положить перстень на весло, а сам оттолкнул лодку и оставил князя на берегу. В отчаянии Данило побежал вдоль Оки. Наступил вечер «темных осенних ночей». Не зная, куда укрыться, князь влез в сруб, где был похоронен мертвец, и заснул, забыв страх «от мертвого». Кучковичи были в отчаянии, что упустили князя живым, но злая княгиня Улита дала им любимого княжеского пса – «выжлеца». Пес показал дорогу к срубам, «и забив пес главу свою в трубец, а сам весь пес в трубец не вместился». Кучковичи нашли и убили князя, брат которого Андрей Александрович отомстил убийцам и воспитал Ивана, сына Даниила.³⁸

Древнейшие летописи ничего не знают о боярине или тысяцком Кучке, но его дети, Кучковичи, и Петр, «зять Кучков» – лица исторические. Они составили заговор против Андрея Боголюбского и убили его в 1174 году. Начальник же убийцам был Петр, Кучков зять, Анбал Ясин ключник, Яким Кучкович, сообщает Ипатьевская летопись.³⁹ Повесть о начале царствующего града Москвы делает Петра и Акима братьями, а их отцом боярина Кучку. Но можно ли сомневаться в том, что боярин Кучка действительно существовал, если нам известен его зять и сын? Видимо, это была сплоченная и сильная боярская семья, настоящий род Кучковичей, оставивший по себе прочную память в народных преданиях. Еще долго после убийства Андрея Боголюбского ходили легенды о Кучковичах, записанные не позже середины XV века. Рассказывали, что Всеволод Большое Гнездо отомстил за убитого брата: «Кучковичей поимал, и в коробые сажая в озере истопил».⁴⁰ Предание о гибели Кучковичей прочно держалось в людской памяти и даже в XIX веке поблизости от Владимира показывали болотистые озера, по

³⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. Примечание 301. См. рукопись ГИМ. Увар. 670, Хронограф Дорофея Монеувасийского с добавлениями, в 1°, на 333 листах, скорописью конца XVII века, листы 277–288.

³⁸ В той же рукописи (Увар. 670) имеется список и этой повести.

³⁹ ПСРЛ. Т. II. С. 113.

⁴⁰ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888.

поверхности которых передвигались плавучие торфяные островки – их считали коробьями с останками проклятых Кучковичей.

Имя Кучки осталось не только в легендах, но и в названиях местностей. В XIV веке в Суздальской земле упоминается волость «Кучка». Тогда же в Москве существовало урочище «Кучково поле» в районе позднейших Сретенских ворот. Но самое важное то, что еще во второй половине XII века Москва носила двойное название: «Москва, рекше Кучково»,⁴¹ иными словами «Москва, то есть Кучково». Таким образом, предание, записанное в XVI–XVII веках, сохранило отзвук какого-то действительного события, связанного с именем Кучки, которого народное предание считает первым владельцем Москвы. В высокой степени примечательно само название «Кучково», с окончанием на о, как обычно называют до сих пор села в Московской области, да и вообще в России. «Села красные» боярина Кучки («Кучково село») – это историческая реальность. Позже на месте боярской усадьбы возник княжеский городок Москва. Была ли связана с этим какая-либо личная трагедия первого московского владельца Кучки или нет, этого мы достоверно не знаем, но упорная традиция о насильственном захвате Москвы суздальскими князьями, возможно, опирается на действительные факты. Напомним здесь, что Кучково поле в Москве находилось поблизости от реки Неглинки и городища Николы на Драчах. Нет ничего невероятного в том, что легендарный Кучка был одним из вятических старшин или князьков, отстаивавших свои земли от притязаний Юрия Долгорукого.

Место для нового городка, по-видимому, было выбрано не сразу. В так называемой Тверской летописи сообщается, что в 1156 г. «князь великий Юрий Володимеричь заложи градъ Москвѹ на устни же Неглинны, выше реки Аузы». С. Ф. Платонов не доверяет этому известию, видя в нем позднейшее припоминание, так как в 1156 году Юрий Долгорукий находился на юге Руси и не мог строить городок на Москве.⁴² Но ошибочная дата не мешает считать факт построения городка Юрием Долгоруким действительным. Ведь на Юрия как на основателя города Москвы упорно указывало предание. Особое внимание обращают на себя слова летописи о том, что город был поставлен выше реки Яузы. Автор записи каким-то образом связывал устье Яузы с известием о поставлении городка на устье Неглинной. Между тем в Москве еще в XVII веке существовало предание, что первоначальный «градец малый», приписываемый легендарному Мосоху, был поставлен на устье Яузы. Он находился там, «где теперь стоит на горе той церковь каменная святого и великого мученика Никиты», – говорит предание.⁴³ Высокий холм с церковью Никиты мученика, прекрасным памятником XVI века, и теперь возвышается над берегом Москвы.

Поселения вятичей на территории Москвы не отличались крупными размерами, так как бассейн Москвы – реки долгое время оставался глухим уголком, о котором молчат наши источники. В известии 1147 года Москва появляется на страницах летописи наряду со многими другими городами, о которых раньше не упоминалось, хотя нет основания думать, что этих городов ранее не существовало.

В 1147 году Святослав Ольгович шел к Москве уже по проторенной дороге. От Карачева он двинулся на север к Козельску, из Козельска к Оке, остановившись в Лобыньске при впадении реки Протвы в Оку. Здесь он получил предложение от Юрия Долгорукого – «Смоленскую волость воевати», и, действительно, пошел походом на верховья Протвы, откуда отправился в Москву. Комментируя летописные известия о Москве, С. Ф. Платонов правильно отмечает ее пограничное положение.⁴⁴ Москва занимала крайнее положение на западе Владимиро-Суз-

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. С. 118.

⁴² Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб., 1912.

⁴³ Гиляров Ф. [А.] Предания русской начальной летописи. М., 1878.

⁴⁴ Платонов С. Ф. О начале Москвы // Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб., 1912.

дальской земли, дальше уже начиналось Смоленское княжество, к югу за Окой лежали земли черниговские, а на юго—востоке — рязанских князей. Путь из Владимира шел по Клязьме до ее верхнего течения, а отсюда поворачивал на юг к Москве, вероятно, по Яузе, как это отметил еще И. Е. Забелин, указавший на существование села Мытищи в том месте, где между Яузой и Клязьмой лежит водораздельный участок, который проходили «волоком». Поэтому первоначальное местонахождение городка на Яузе становится довольно вероятным. Здесь кончался путь от бассейна Клязьмы к Москве—реке. Низкий лужок, примыкавший с востока к Китай—городу, еще в XVI веке назывался Пристанищем, а гора на правом берегу Яузы у церкви Николы—Воробьино именовалась Гостиной горой.⁴⁵

В XII веке район Москвы начинает привлекать к себе все большее количество поселенцев. К этому времени относятся «красные села» боярина Кучки, усадьбу которого надо искать где—нибудь в районе позднейшего «Кучкова поля», у позднейших Сретенских ворот, поблизости от которых находилось Городище у церкви Николы на Драчах. Построение города на устье Неглинной — это третий этап в начальной истории Москвы, результат княжеской деятельности Юрия Долгорукого. Вероятное название нового города — Москов или Московь—городок, как называет Москву первое летописное известие. Позже одерживает верх привычная форма, связанная с названием реки Москвы.

В XII веке Москва упоминается редко и обычно в связи с военными событиями — явный признак того, что она не выросла еще в сколько—нибудь значительный пункт. Город продолжает сохранять значение крайнего оплота Владимирского княжества на его западной окраине, передового пункта по отношению к Рязанской земле. Обычная дорога из Рязани во Владимир шла кружным путем по Москве—реке и далее по Клязьме, так как Владимир и Рязань разделяли непроходимые леса и болота. Это своеобразное положение Москвы как передаточного пункта между Рязанью, Черниговом и Владимиром становится все более заметным во второй половине XII века. В 1175 году Москва была местом остановки князей, претендовавших на владение Владимиром—Суздальской землей по смерти Андрея Боголюбского.⁴⁶ Один из них поехал из Москвы в Переяславль Залесский, другой направился во Владимир.

В 1207 году князь Всеволод Большое Гнездо предполагал идти походом на Чернигов. Местом для сбора сыновей Всеволода сделалась Москва. Сюда пришел Константин, княживший в Ростове, сюда пришли и другие сыновья Всеволода: Юрий, Ярослав и Владимир.

Итак, дороги из Владимира, Переяславля и Ростова ведут к Москве. Тут есть возможность прокормиться и отдохнуть пришедшим воинам перед новым походом. Москва начала XIII века — уже не просто пограничный пункт, а удобное место для сбора и отдыха войска, база для действий против черниговских князей. В Москву должны были прийти и рязанские князья, шедшие вверх по Оке. Узнав об измене рязанских князей, Всеволод переменил свой план и вторгся в Рязанскую землю.⁴⁷ Исходным пунктом для этого вторжения была Москва. В свою очередь, рязанские князья, нападая на Владимиром—Суздальскую землю, прежде всего обрушиваются на Москву и разоряют ее окрестности.⁴⁸ Москва упоминается каждый раз, когда речь идет о борьбе владимирских и рязанских князей.

Известия о Москве XII—XIII веков очень немногочисленны, но за скудными летописными строками уже можно различить признаки ее экономического роста. Рассказывая о нападении на Москву рязанского князя Глеба в 1177 г., летописец роняет драгоценные слова: «Глеб на ту осень приехал на Московь и пожег город весь и села».⁴⁹

⁴⁵ Забелин И. Е. История Москвы.

⁴⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.

⁴⁷ Там же. С. 408—409.

⁴⁸ Там же. С. 413.

⁴⁹ Там же. С. 368.

Значит, Москва не просто село или неукрепленный посад, а крепость («город»), к тому же еще окруженная селами.

Выросшее значение Москвы становится особенно заметным в начале XIII века. Сыновья Всеволода таким образом разделили между собой отцовские земли: старший, Константин, сел в Ростове, второй, Юрий – во Владимире, третий, Ярослав – в Ярославле. Четвертым по старшинству был Владимир; он выбрал своим стольным городом Москву, принадлежавшую к уделу Юрия.

Вопрос о владении Москвой имел немалое значение в распрях между наследниками Всеволода. Поход Юрия и Ярослава против их старшего брата Константина закончился заключением мирного договора. Владимир не был пассивным зрителем междоусобной войны между старшими братьями, а пытался прочно утвердиться в Москве и даже расширить свои владения. Вместе с дружиной и москвичами он подступил к Дмитрову, жители которого мужественно защищались и отбили нападение. Владимир осаждал Дмитров «с москвичи и с дружиною своею». Термин «москвичи» звучит многозначительно. Конечно, это не только горожане, но в то же время и не одни землевладельцы со своими вооруженными отрядами.

Чтобы принудить Владимира покинуть Москву, Юрий был вынужден просить помощи у братьев и начать осаду Москвы. Только тогда Владимир согласился вести переговоры и покинул город.⁵⁰

В известии о взятии Москвы татарами в 1237 году еще яснее выступает перед нами значение Москвы как крупного города. «Взяли Москву татары, – пишет летописец, – и воеводу убили Филиппа Нянка за правоверную христианскую веру, а князя Володимира взяли в плен, сына Юрьева, а людей перебили от старцев и до грудных младенцев, а град и церкви святые сожгли и монастыри все, села пожгли и захватили много имущества».⁵¹ Московский князь Владимир, названный в известии 1237 года, – это малолетний сын великого князя Юрия Всеволодовича, племянник первого московского князя Владимира.

Крепость («град»), церкви, монастыри, села, много имущества («именья») – все это черты, рисующие богатый и населенный город, несомненные показатели благосостояния Москвы. Между тем точность записи и осведомленность ее автора не подлежат сомнению, ведь только хорошо осведомленный человек мог запомнить имя и прозвище воеводы Филиппа Нянка, который нигде более в летописи не упоминается и ничем, кроме защиты Москвы, не замечателен.

Известие о разорении Москвы татарами дает нам еще одну любопытную деталь, указывающую на тесную связь Москвы с владимирскими князьями. Ведь малолетний московский князь был сыном великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. В числе других отрядов Залесской земли отряд москвичей ходил против татар к Коломне, откуда после поражения русских князей князь Всеволод Юрьевич бежал во Владимир, «а москвичи к Москве».⁵² Татары шли буквально по их пятам. Взяв Москву, они повернули прямо на Владимир, так как Москва была соединена с ним кратчайшим и удобнейшим путем по Клязьме.

Близость Москвы к Владимиру объясняет нам и попытку нового московского князя Михаила Ярославича Хоробрита захватить в свои руки владимирское княжение. Михаил был младшим сыном Ярослава Всеволодовича. В некоторых источниках он именуется как «князь Михаила Ярославич московский».⁵³

⁵⁰ Летописец Переяславля Суздальского // Временник МОИДР. Кн. IX. С. 112.

⁵¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.

⁵² ПСРЛ. Т. XVII. С. 18.

⁵³ ПСРЛ. Т. IV. С. 38: «И Михаиле Ярославичь московский убыен бысть от Литвы на Поротве».

Опираясь на Москву, Михаил выгнал из Владимира своего слабого дядю Святослава Всеволодовича и захватил в свои руки великое княжение. В 1248 г. Михаил погиб в битве с литовцами и был похоронен во Владимирском Успенском соборе епископом Кириллом.⁵⁴

Кратковременное княжение Михаила в Москве оставляет особый след в положении этого города среди других русских городов середины XIII века.

Михаил Хоробрит первый показал, что ближайшая дорога к великокняжескому столу во Владимире лежит из Москвы, которая была стратегическим путем с запада к бассейну Клязьмы.

После сообщения о смерти Михаила Хоробрита известия о Москве надолго пропадают со страниц летописи, появляясь вновь только под 1282 годом в связи с рассказом о междукняжеских смутах между великим князем Дмитрием Александровичем и его братом Андреем. В Переяславль, где засел Дмитрий, пришли тверичи, москвичи и новгородцы. Во главе москвичей стоял младший из сыновей Александра Невского князь Даниил. Никоновская летопись называет его великим князем Московским, но более ранние летописи говорят кратко: «Князь Данило Александрович с москвичи». Кажется, надо понимать так, что Даниил пытался утвердиться в Москве с помощью москвичей, желавших иметь особого князя, но был ли он уже в 1282 г. московским князем или нет, достоверно не известно. У нас есть другое свидетельство, по которому Даниил утвердился в Москве значительно позже.⁵⁵ Супрасльская летопись, сообщая о кончине Даниила, добавляет, что он «княжив лет 11», слова, пропущенные в других летописях.⁵⁶

Поскольку мы знаем, что Даниил умер в 1303 г., началом его московского княжения надо положить 1292 г. Правда, Степенная книга уверяет, что Даниил получил в наследство от отца Москву, где и возрос, но это только отголосок поздних преданий о Данииле и Москве XIII века, так как книга была составлена при Иване Грозном, почти через три столетия после смерти основателя династии московских князей. Единственным ценным указанием жития можно считать свидетельство, что Даниилу было два года, когда умер его отец, Александр Невский. Следовательно, Даниил родился около 1261 г.⁵⁷

Окончательное утверждение Даниила в Москве, если верить Супрасльской летописи, произошло только около 1292 г. Это стояло в тесной связи с новой княжеской усьбицей, разыгравшейся в 1293 году. Результатом усьбицы было появление в Северной Руси татарского царевича Дуденя (Туденя) и разорение 14 русских городов. В их числе была Москва, так как на этот раз Даниил поддерживал великого князя Дмитрия Александровича, вновь вызвавшего ханский гнев. Татары пришли к Москве от Переяславля Залесского «и Московского Даниила обольстиша» (т. е. обманули), ворвались в Москву и разорили ее с окружающими селами.⁵⁸

В словах «и Московского Даниила обольстиша» чувствуется какое-то удивление перед тем, что удалось обмануть даже опытного Даниила Московского. Вскоре после Дуденовой рати Дмитрий умер; из сыновей Александра Невского остались в живых только Андрей и Даниил. С этого времени московский князь начинает проявлять большую политическую активность. В 1297 г. на княжеском съезде во Владимире в присутствии ханского посла Даниил выступал совместно с тверским князем Михаилом Ярославичем и переяславским князем Иваном Дмитриевичем. Москва со своим князем Даниилом Александровичем вступает в ранг крупных русских городов. Начинается новый период в истории Москвы. Московский князь делается крупной политической фигурой, и это тотчас же сказывается в расстановке княжеских сил.

⁵⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 448; в Ермолинской летописи (ПСРЛ. Т. XXIII) – с. 83.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 160; Т. XXIII. С. 92.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XVII. С. 27.

⁵⁷ Степенная книга // ПСРЛ. Т. XXI. С. 296. Милютинские Четьи—Минеи XVII века (ГИМ. Синод. собр., № 803) под 4 марта.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 82.

В 1301 году князья съехались в Дмитрове и заключили между собою мир. Только переяславский князь Иван Дмитриевич не договорился с Михаилом Тверским. Через два года Иван Дмитриевич умер «и благословил в свое место Даниила Московского в Переяславли княжить», «того бо любляше паче инех».⁵⁹ Так владения Московского князя сразу сильно расширились. Вместе с Переяславлем к московским князьям должен был отойти и Дмитров, имевший важное торговое и стратегическое значение для Москвы.

Несколько раньше (в 1301 г.) Даниил ходил войной на Рязанскую землю и сражался под самой Рязанью (Переяславлем Рязанским), захватив в плен князя Константина Рязанского «некоею хитростью». Следствием этого похода было присоединение к московскому княжеству Коломны, лежащей при впадении Москвы—реки в Оку. Так в руках московских князей оказалось все течение реки Москвы, Дмитров и Переяславль с его богатой округой.

Даниил умер 5 марта 1303 г. как «внук Ярославль, правнук великого Всеволода», наследник великих князей владимирских.⁶⁰

Вместе с его смертью для Москвы кончился период скромного существования в качестве второстепенного города, началось возвышение Москвы, сперва как центра северо—восточной Руси, а потом как центра всей России. За первые полтора века своего существования Москва проделала долгий путь от пограничного городка до центра отдельного княжества.

До сих пор нам приходилось говорить, главным образом, о внешнеполитических событиях, связанных с Москвой, почти не затрагивая внутренней истории города. И это совершенно понятно. Ведь, если даже внешнеполитические события XII—XIII веков и их взаимные связи улавливаются нами только с крайним трудом, то изучение внутренней истории Москвы как города за те же столетия представляется крайне затруднительным. Тем не менее, эта трудность не должна останавливать от попытки прорваться вглубь веков и показать Москву в те отдаленные времена, когда она представляется некоторым историкам совсем ничтожным городком или даже укрепленной княжеской усадьбой.

Москвичи XIV—XV веков поразительно мало знали о прошлом своего города. В середине XV века помнили только, что первой московской церковью был храм Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, служивший соборной церковью при митрополите Петре. На месте церкви раньше был бор, «и церковь та в том лесе срублена, была тогда». В этом предании явно смешаны различные события: построение первой церкви в Москве на месте древнего бора и позднейшее значение этой церкви при митрополите Петре.⁶¹ Первое событие надо относить ко времени возникновения городка, следовательно, ко второй половине XII века, второе к гораздо более позднему времени, к началу XIV века. Однако и подобное указание имеет свою ценность как намек на твердую устную традицию, помнившую о существовании древнего бора на месте Кремля.

Лесистый характер территории первоначальной Москвы подчеркивается и названиями других московских церквей, стоявших под бором, т. е. рядом с дубовым или сосновым лесом. Кремлевские ворота, выходящие к Каменному мосту, до сих пор сохранили название Боровицких, несмотря на попытки их переименовать при царе Алексее Михайловиче.⁶² Те же отдаленные воспоминания о прошлом Кремлевского холма угадываются в названии церкви Спаса на Бору, находившейся во дворе Кремлевского дворца. Еще церковь «под бором» стояла на Солянке. Леса тянулись на другом берегу Москвы—реки, как показывает название церкви Черниговских чудотворцев «под бором» в районе современной Пятницкой улицы.⁶³ Вероятно,

⁵⁹ Там же. С. 85.

⁶⁰ По Супрасльской летописи, 4 марта (ПСРЛ. Т. XVII. С. 27); известия Супрасльской летописи XIII века отличаются особым характером, обличающим их достоверность, несмотря на краткость.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 214.

⁶² См. Забелин И. Е. История и древности Москвы // Опыты изучения русских древностей. М., 1873. Ч. II. С. 107–253.

⁶³ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905. С. 60–61.

московские леса были только частью мощного лесного массива, остатки которого сохранились и теперь к северо—востоку от города, где находится Лосиноостровский заповедник. Этот характер московской местности в древнее время имел немаловажное значение для защиты города от татарских набегов. Конные отряды татар предпочитали действовать в открытом поле, чем в лесах. Между тем путь татарских набегов обычно шел с юга, в основном почти совпадая или только несколько отклоняясь к западу от течения Москвы—реки. Линии этого татарского шляха из степи к Москве отмечены двумя важнейшими крепостями Московского княжества – Серпуховом и Коломной.

Несомненные оборонительные удобства представляло то обстоятельство, что за Москвой—рекой перед Кремлевским холмом находилось большое пространство, затопляемое весной. Это место с давнего времени называлось «болотом». Внезапный набег с юга тем самым делался почти невозможным, так как необходимо было переправляться через болото и реку раньше, чем оказаться под стенами Кремля. Таким образом, южная сторона московского города была прочно обеспечена. За синей лентой Москвы—реки здесь можно было заметить луга, и за ними вековой бор. Такой рисуется нам картина, которую можно было бы увидеть с кремлевского холма в момент создания московского городка, да, вероятно, и в ближайшее столетие после его возникновения.

Северо—западная сторона кремлевского треугольника была обращена к речке Неглинной, русло которой можно хорошо увидеть на старых планах Москвы. На современной карте русло этой реки можно вообразить, если провести линию, начиная от Москвы—реки по Александровскому саду вдоль кремлевских и далее Китайгородских стен до Неглинной улицы, а оттуда к северу по Неглинной до Трубной площади. Кремлевский холм ниспадал к берегам Неглинной крутым спуском, ясно различаемым и теперь в Александровском саду. Неглинная текла в болотистых берегах и хорошо защищала Кремлевский холм с северо—западной стороны. Позже течение Неглинной было перерезано плотинами, и река образовала несколько прудов, что еще более усилило кремлевскую оборону.

Менее всего Кремль был укреплен с восточной стороны. Впрочем, первоначальный Кремль занимал площадь, несравненно меньшую, чем в настоящее время. (По предположению И. Забелина, площадь примерно в 100 кв. сажен.) Восточная граница первоначального Кремля не доходила даже до позднейшей церкви Спаса на Бору. Следовательно, Кремль был небольшим городком. Остатки вала и рва были найдены близ юго—западного угла церкви Спаса на Бору при постройке Нового Дворца. Кремль занимал площадь на остром мысу при впадении Неглинной в Москву—реку, а узкий перешеек между ними был перекопан рвом, так что приступная сторона Кремля была более или менее хорошо защищена.

О размерах Кремля можно судить по местоположению первой церкви в Москве, во имя Рождества Иоанна Предтечи, существовавшей до 1847 года на старом месте: «Она находилась в 120 шагах от Боровицких ворот. Ввиду того, что церкви обыкновенно ставились приблизительно посередине селения, древнейший Кремль простирался, следовательно, по другую сторону церкви тоже на 100–120 шагов. Предположение это подтверждается остатками вала и рва, которые были найдены при постройке Большого Кремлевского Дворца (1838 г.) близ юго—западного угла церкви Спаса на Бору, то есть как раз в указанном расстоянии от церкви Рождества Иоанна Предтечи. Таким образом, весь Кремль в то время имел из конца в конец не более 200–250 шагов».⁶⁴

Возникновение города при впадении Москвы—реки и Неглинной надолго определило рост Москвы в определенном направлении. Современный кольцевой план Москвы— явление позднейшего времени, когда городские поселения далеко вышли за древние пределы. Первоначально Москва росла, главным образом, в восточном направлении, заполняя пространство

⁶⁴ Московский Кремль в старину и теперь / Сост. С. Бартевым, изд. Министерства императорского двора. Т. I. С. 5.

в треугольнике между Москвой—рекой и Неглинной. Течение этих двух рек было естественным прикрытием. Аналогию плану Москвы XIV–XVII веков легче всего найти в плане древнего Пскова, который также рос в одном направлении между Великой и Псковой, тогда как Запсковье застроилось и было обнесено стеной значительно позже Кремля и так называемого Среднего города. Характерно, что внутренний замок Пскова назывался Кремом, что наиболее близко сопоставляется с названием Московского Кремля, именовавшегося в XIV веке городом Кремником. Происхождение этого слова до сих пор не выяснено. И. Е. Забелин производит его от слова «крем», которое, по его замечанию, в северном областном языке обозначает бор или крепкий и крупный строевой лес, растущий среди моховых болот.⁶⁵ Но это предположение требует основательной проверки;⁶⁶ возможно, что словами «кром», «кремник», «кремль» обозначали особый вид городских укреплений.

Рост города в восточном направлении обеспечивался рельефом местности. Кремлевский холм имеет продолжение в Китай—городе, обрываясь крутым спуском к Москве—реке. С севера и востока холм менее выражен, но характер местности, окружавшей его с этих сторон, очень ярко выясняется из древних топографических названий. На месте б. Воспитательного дома по документам XIV–XV веков лежал большой Васильевский луг, к которому примыкала болотистая местность, известная под названием Кулижки. Это слово, по толковому словарю Даля, обозначает поляну или новую росчисть в лесу. Местность между Кулижками и Неглинной отмечена таким урочищем, как Спас на Глинищах – явное указание на природные особенности местности. Таким образом, вся восточная часть Кремлевско—китайгородского холма была хорошо прикрыта лесами и топкими местами, которые становились доступными для нападения только зимой или в сухое время года, не говоря уже о Яузе, огибавшей часть города с восточной стороны.

Небольшие размеры первоначального Кремля сами по себе еще не являются доказательством малонаселенности Москвы XII–XIII веков. Ошибка исследователей древней Москвы заключается в том, что они забывают о существовании городских посадов и отдельных поселений, находившихся за пределами кремлевских стен. Место московского посада надо искать к востоку от первоначального Кремля, куда постепенно расширялась кремлевская территория в XIV–XV веках. Посад спускался вниз к подножию Кремлевской горы, которая с давнего времени называлась «подолом». Это название очень характерно, и напоминает нам о таких же «подолах» в Киеве и некоторых других городах. Обычно «подолом» в Киевской Руси называлась низменная часть города, населенная ремесленниками и торговым людом, демократический квартал в отличие от аристократической горы. Тем более интересно сохранение этого слова в Москве. Едва ли будет большой натяжкой считать, что название «подол» в применении к части московской территории – прямой указатель на существование в Москве городского посада еще до страшного татарского разорения.

К городу и посаду примыкали села, окружавшие Москву со всех сторон. Можно ли считать случайностью двойное упоминание летописи о селах, сожженных под Москвой (в 1177 и 1237 гг.), вспоминая песенную традицию о селах «красных, хороших» боярина Кучки? Таким образом, Москва домонгольского времени рисуется нам как город с посадом, к которому примыкает соседняя сельскохозяйственная округа.

Княжение Даниила Александровича было временем дальнейшего расширения Москвы. Монастырская традиция приписывала Даниилу создание Богоявленского монастыря в позднейшем Китай—городе. Монастырь возник «строением» князя

Даниила между 1296–1304 гг.; тогда были «церкви возграждены деревянные и кельи».⁶⁷

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Что касается города Кромы, то он, вероятно, получил свое наименование от речки Кромы, на которой он находится.

⁶⁷ Чтения ОИДР. 1876. Кн. III. С. 144 (статья арх. Никодима о Богоявленском монастыре); сведения заимствованы из

Старое предание приписывает ему также основание Данилова монастыря, уже в значительном отдалении от Кремля. Пока это только отдельные штрихи, которые удастся нам установить, но и они говорят о многом – о расширении городской округи на значительное расстояние.

Позднейшие московские летописцы считали Даниила настоящим основателем династии московских князей. И это соответствовало действительности, так как при нем сложилась та пригородная округа, которая «тянула» к Москве. К такому выводу приводит текст московской уставной грамоты, или, точнее «записи, что тянет душегубством к Москве», составленной в конце XV века. Запись перечисляет различные волости и города, тянувшие судом о душегубстве к Москве. Московский судебный округ включал в себя даже такие отдаленные города, как Звенигород и Рузу, и все волости «по Коломенский уезд и по Дмитровский». К Москве тянули судом о душегубстве не только собственно московские волости, но и Серпухов со всеми волостями. По—видимому, подсудность далеких волостей московскому суду возникала чисто историческим путем, во всяком случае, до присоединения Коломны и Можайска, оставшихся вне подчинения московским судам. В числе волостей, тянувшихся к Москве, запись указывает Серпухов, Хотунь, Перемышль, Ростовец, Городец, Суходол, Щитов, Голочицы, Звенигород и Рузу, а из Дмитровских волостей – Вохну, Сельну, Гуслицы, Загорие, Рогожь. Местоположение этих волостей определено в известном исследовании Ю. В. Готье.⁶⁸ Серпухов, Хотунь, Перемышль, Ростовец, Суходол и Щитов лежали к югу от Москвы, Звенигород и Руза – к западу, группа Дмитровских волостей (Вохна, Сельна, Гуслицы, Загорие, Рогожь) – к востоку. Как раз эти волости перечислены в духовной Ивана Калиты. Звенигород и Рузу он отдал второму сыну Ивану; Серпухов, Хотунь, Перемышль, Ростовец, Щитов и Голочицы вместе с другими волостями – третьему сыну Андрею, а волости Вохну, Сельну, Гуслицы и Раменье – княгине—вдове. При жизни Калиты все эти волости входили в его владения; следовательно, они—то и составляли вместе с Москвой первоначальный московский удел, который, таким образом, может быть воспроизведен на современной карте.⁶⁹

Как видим, Московское княжество к концу XIII века составляло компактное владение; вступив в ряды других княжеств, оно быстро завоевало себе первенство в XIV веке. Сыновья Даниила Московского, Юрий и Иван Калита, положили начало верховенству Москвы над другими русскими городами, но это уже выходит за пределы данной статьи.

монастырской книги, составленной в 1600–1604 гг.

⁶⁸ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1906. С. 575 и след.

⁶⁹ ААЭ. Т. 1. № 115. С. 87–88.

ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ И ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ⁷⁰

Археологические изыскания давно уже установили, что Москва была городом вятичей, поселения которых в ее районе образуют как бы большой мешок, простирающийся к северу от Москвы.⁷¹ Однако первоначальная Москва оказывается не городом вятичей, а городом суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого, которому принадлежали земли, в основном населенные кривичами. Объяснение этому мы находим в поздних преданиях о боярине Кучке, в котором, по—видимому, надо видеть одного из вятических старшин или князьков, погибших в неравной борьбе с Юрием Долгоруким. Действительное значение предания о боярине Кучке мы выяснили в специальной работе, посвященной древнейшей истории Москвы,⁷² целью же этой статьи является доказательство той мысли, что Москва как город была построена Юрием Долгоруким, и что построение ее было одним из проявлений его колонизационной деятельности.

Известия летописей о построении Московского городка помещены в сравнительно поздних летописных сводах, а знаменитое сообщение Ипатьевской летописи о встрече в Москве Юрия Долгорукого с Святославом Ольговичем в 1147 г. недостаточно ясно, чтобы определенно сказать, что Москва была уже в это время городом. Положительно о Москве как о городе говорит лишь сообщение Тверской летописи о том, что в 1156 г. великий князь Юрий Владимирович «заложил Москву на устьи же Неглинны выше реки Яузы».⁷³ Тверской летописный свод сложился из ряда источников не известного для нас происхождения, и С. Ф. Платонов отмечал, что известие этого свода о построении Москвы в 1156 г. является позднейшим припоминанием, полагая, что «трудно разделять тот взгляд, что время возникновения Москвы—города нам точно известно».⁷⁴ Платонов указывает и на то, что в 1156 г. Юрий Долгорукий жил на юге, а не в Суздальской земле. Последнее замечание могло бы быть сочтено за решительное доказательство того, что известие Тверской летописи недостоверно, но в действительности это не так. Дело в том, что хронология наших летописей очень условна. Достаточно сказать, что начало княжения Юрия Долгорукого по Ипатьевской летописи отнесено к 1155 г., а по Лаврентьевской — к 1154 г. Подобный разнобой в датировке одного и того же события зависел в первую очередь от составителей летописных сводов, по—своему соединявших показания различных летописей. Следовательно, настаивать на том, что Москва была построена как город в 1156 г., нельзя, но нельзя и считать эту дату придуманной, а лучше оставить ее как условную, тем более, что уже в известии 1177 г. Москва определенно названа «городом».

Если же отвлечься от педантических хронологических подсчетов и обратиться к фактам, то построение Москвы Юрием Долгоруким предстанет перед нами в новом освещении и будет признано вполне закономерным явлением, характерным для определенного периода в истории Суздальской земли.

Известно, что Юрий Долгорукий всю свою жизнь стремился к тому, чтобы утвердиться в Киеве, который продолжал для него оставаться столицей Русской земли. Однако он не забывал и об укреплении своих владений на севере. И вот оказывается, что построение Москвы восходит к тому периоду в деятельности Юрия Долгорукого, когда он лихорадочно осваивает

⁷⁰ Статья, во многом дополняющая сведения, помещенные в книге М. Н. Тихомирова «Древняя Москва», опубликована в журнале: «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1948. Т. 5. № 2. Печатается по тексту этой публикации. — Прим. ред.

⁷¹ Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

⁷² Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 11–16.

⁷³ Цитирую по новому списку Тверской летописи, хранящемуся в Государственном историческом музее в Москве; издание напечатано по другому списку в ПСРЛ. Т. XV. С. 226.

⁷⁴ Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб., 1912. С. 79.

западные окраины Суздальской земли, по—видимому, в это время еще достаточно пустынные. Доказательством этому являются некоторые даты в истории построения городов Суздальской земли.

Раньше всего упоминается о построении городов Юрьева и Переяславля, что произошло в 1152 г.⁷⁵ К 1154 г. восходит построение Дмитрова,⁷⁶ к 1156 г., как мы видели, Тверская летопись относит построение города Москвы. Таким образом, в течение четырех лет было построено четыре города одним и тем же князем и в одном и том же районе, на западной окраине Суздальской земли. Одно совпадение этих дат уже должно привлечь к себе внимание историка и заставить его осторожнее говорить о позднейшей надуманности летописных известий о построении Москвы и Дмитрова.

При более внимательном изучении обстоятельств, при которых Юрий Долгорукий строил новые города в Суздальской земле, мы обнаружим, что все названные нами четыре города были построены Юрием Долгоруким с определенными стратегическими целями, на больших водных путях, по которым можно было проникнуть в глубь Суздальской земли. Стоит только взглянуть на карту, чтобы увидеть, что Москва была построена в том месте, где Клязьма ближе всего подходит к Москве—реке. Через это место неминуемо должны были проходить отряды, направлявшиеся из Чернигова и Рязани на север в Суздальскую землю. Путь из Рязани в Суздаль и Владимир обычно шел по Оке и Москве—реке до поворота Москвы—реки, который она делает как раз в районе нашего города. Яуза как бы соединяет Москву—реку с Клязьмой, по которой шел путь далее к Суздалью и Владимиру. К Москве выводила и та дорога «сквозь вятичи», т. е. через страну вятичей, которую проделал Владимир Мономах, ставивший себе в заслугу преодоление этого долгого и опасного пути. Уже в первом известии о Москве 1147 г. перед нами ярко выступает ее значение как города, связывавшего Суздальскую землю с Черниговом и Киевом.

Когда Святослав Ольгович в 1147 г. шел навстречу Юрию Долгорукому, то он остановился в Лобынске, стоявшем при устье Протвы. Таким образом, Лобынск был крайним пунктом Черниговской земли на севере, тогда как Москва была передовым пунктом Суздальской земли на западе.

Такой же характер передовых крепостей Суздальской земли имели другие города, построенные Юрием Долгоруким, — Дмитров, Юрьев Польский и Переяславль Залесский. Дмитров заступал дорогу в Суздальскую землю по рекам Дубне и Веле. Он был построен там, где река Яхрома резко поворачивает на запад. Таким образом, Дмитров прикрывал путь от Волги на юг в сторону той же Клязьмы, верховья которой отстояли всего на 40–50 км от нового города. Следовательно, одновременное построение городов на Москве и на Яхроме преследовало цели защиты важнейшего пути Суздальской земли — реки Клязьмы.

Подобное же значение имели и два других города, построенных в один год (1152 г.), — Юрьев и Переяславль. Переяславль возник в плодородном «ополье» на берегах Клещина, или Переяславского, озера, через которое протекает река Нерль, левый приток Волги. По Нерли шла прямая дорога с запада в глубь Суздальской земли, так как верховье волжской Нерли вплотную подходит к другой Нерли, впадающей в Клязьму. Совпадение названий Нерль для двух рек, приближающихся друг к другу в своих верховьях, не может считаться случайным. Вероятно, в древности путь по обоим Нерлям представлялся как бы дорогой по одной и той же реке. Подобные совпадающие названия соседних рек найдем и в других местах Восточной Европы. Укажем два примера. Река Серет, приток Дуная, имеет как бы продолжение на севере в другом Серете, впадающем в Днестр. Река Южный Буг также близко подходит к другому Бугу, Западному, показывая древнюю торговую дорогу, которая шла по обоим Бугам. Район Нерли,

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946. С. 63–64.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. VII. С. 60.

где возник Переяславль, был издавна населен, и Юрий Долгорукий только перенес город на новое место. Старый город Клецин, стоявший на озере, еще упоминается в списке русских городов, составленном в конце XIV – начале XV в.

Прямая дорога от Переяславля Залесского в Суздаль вела по открытой и населенной местности. На этой дороге и был построен Юрьев, получивший свое название от окружающего его «ополья».

Итак, мы можем назвать четыре города, построенных Юрием Долгоруким со стратегическими целями почти одновременно. Объяснение такой лихорадочной деятельности Юрия Долгорукого по постройке новых городов на западной окраине Суздальской земли находим в событиях последних лет его княжения. В 1152 г. Юрий Долгорукий ходил на юг и воевал в стране вятичей. В 1154 г. он собирался снова идти «в Русь» через страну вятичей, но не дошел до Козельска и повернул обратно. После этого начинаются длительные походы, предпринимаемые Юрием Долгоруким для овладения Киевом. В этой борьбе немалое участие принимает смоленский князь, враждебный Юрию, а пути из Смоленска и из страны вятичей сходились к Москве. Принимали участие в борьбе и новгородцы. Они зорко следили за тем, что происходило в Киеве, и сажали у себя князьями то ставленников Юрия Долгорукого, то ставленников смоленского князя. При таких условиях укрепление западных окраин Суздальской земли было делом необходимым, в особенности при частых отлучках Юрия Долгорукого на юг. Юрий не мог не понимать того, что настоящей его опорой является Суздальская земля, а не Киев. Таким образом, строительная деятельность этого князя вытекала из политической необходимости и не имела ничего случайного. Не было случайным и основание московского городка. Москва как город была построена Юрием Долгоруким для закрепления пути из Черниговской, Смоленской и Рязанской земель в Суздальскую землю.

Насколько выбор места для новых городов был сделан Юрием Долгоруким удачно, видно из того, что вокруг новых городов разыгрались крупнейшие политические события второй половины XII в. Об этом говорят летописные сообщения о тех битвах, которые происходили поблизости от этих городов.

Например, река Колакша у Юрьева Польского была тем местом, где состоялись две большие битвы, в 1096 и 1177 гг. В этих битвах принимали участие новгородцы и их союзники, вторгнувшиеся в Суздальскую землю. В 1096 г. черниговский князь Олег Святославич, временно овладевший Суздальской землей, бился на Колакше с новгородцами. Замечателен тот путь, которым новгородцы вторглись в Суздальскую землю. Они шли по реке Медведице и вышли по ней на Волгу. Медведица впадает в Волгу слева, а почти напротив нее справа втекает в Волгу река Нерль, по которой шла дорога к Переяславлю Залесскому и далее к Юрьеву. У Юрьева, на реке Колакше, и произошла битва 1096 г. На той же Колакше имело место и другое большое сражение в 1177 г., во время междоусобной борьбы наследников Андрея Боголюбского.

Дмитров точно так же оказывается связанным с военными событиями, развертывавшимися в Суздальской земле во второй половине XII в. В 1180 г. черниговский князь Святослав Всеволодович вместе с новгородцами вошел в Суздальскую землю, выбрав несколько необычный путь для вторжения по реке Дубне, правому притоку Сестры, впадающей в Волгу. Встреча враждебных войск произошла на реке Веле, левом притоке Дубны. В летописях река, впрочем, названа Вленой, но нет никакого сомнения, что речь идет о современной Веле, которая течет с юга на север и впадает в Дубну слева. Место битвы на этой реке можно установить довольно точно, опираясь на летописное описание и имея в виду, что Веля прикрывала путь по Дубне к Переяславлю Залесскому. Враждующие войска стояли по обеим сторонам реки. Ипатьевская летопись отмечает, что река Веля течет по твердому грунту в крутых берегах («река та твердо текущи, бережиста»). Суздальцы стояли на горах между оврагами и болотами, и к ним было трудно подступиться. Их противники тщетно дожидались боя; не дождавшись его,

они повернули обратно, испугавшись приближения распутицы. На обратном пути Святослав и новгородцы сожгли город Дмитров.⁷⁷

Летописное описание реки Вели очень близко подходит к действительности. Река течет в крутых берегах по твердому грунту, поблизости от современного села Ольявидова, стоящего в излучине, которую образует слияние Дубны и Вели. Замечательнее всего, что у местных жителей сохранялось предание о том, что на реке Веле происходила какая-то битва. Я лично слышал смутный рассказ об этой битве из уст крестьянки лет 60-ти еще в 1928 г. Она рассказывала, что во время русско-турецкой войны 1878–1879 гг. старая бабка пугала ее, девочку, рассказами о сражениях, происходивших на Веле в древние времена. На реке Веле находили и старинное оружие. Возвращение Святослава с реки Вели через Дмитров показывает нам, что Дмитров прикрывал собой одну из дорог в глубь Суздальской земли.

Как мы видим, новые города, основанные Юрием Долгоруким, были построены с определенными стратегическими целями на путях, по которым можно было вторгнуться в Суздальскую землю.

В строительной деятельности Юрия Долгорукого заметны и некоторые общие черты. Юрий Долгорукий основывал новые города в старинных обжитых районах, в центре относительно большой земледельческой округи. Переяславль Залесский и Юрьев Польский, как мы видели, находились в плодородных «опольях». Район Москвы был заселен с давнего времени, на что указывают археологические изыскания. Вятическая округа, образовавшая вокруг Москвы своеобразный мешок, вытянутый на север, по своим очертаниям соответствовала наиболее обжитым и удобным для поселения местам в районе Москвы. Немалое значение имели заливные луга по Москве-реке, дававшие обильный корм для скота. Очень близка к московской природе и природа Дмитрова и его района с обширными лугами по реке Яхроме. Таким образом, Юрий Долгорукий не только строил новые крепости, но и закреплял за собой старинные обжитые районы, где давно уже кипела жизнь и создались местные центры.

Тем более характерно, что для построения новых городов Юрий Долгорукий выбрал не старые поселения, а основал их на новом месте. Мы видели уже, что Переяславль Залесский возник поблизости от старого города Клещина. Старый Клещин быстро запустел, а Переяславль сделался одним из крупных городов Суздальской земли. Старинное предание, упорно державшееся в Дмитрове еще в XVIII в., рассказывало, что до его построения существовал старый город. Место этого старого города до сих пор указывают к югу от Дмитрова у села Перемилова на Яхроме.

Существует предание, что и древний московский городок стоял не на месте современного Кремля, а при впадении Яузы в Москву-реку. По сказанию XVII в., древний московский городок возвышался на высоком холме, на котором и теперь стоит церковь Никиты Мученика. Поэтому Тверская летопись и указывает на то, что Юрий Долгорукий основал город Москву на устье Неглинной, «выше» реки Яузы. Косвенное указание на то, что Кремль был построен в XII в. на новом месте, находим в любопытных находках, обнаруженных под алтарем каменной церкви Рождества Ивана Предтечи, разобранный около 100 лет тому назад. Между тем уже в XV в. говорили, что эта церковь стояла на месте первой московской церкви, срубленной из деревьев того бора, который рос на месте Кремля. Под алтарем каменной церкви Рождества Предтечи, поставленной на месте первой деревянной, были найдены кости животных, а это позволило И. Е. Забелину сделать вероятное предположение, что первая московская церковь была построена на месте языческого мольбища, тем более, что празднование рождества Ивана Предтечи совпадало со старинными языческими праздниками.

В строительной деятельности Юрия Долгорукого была и еще одна черта, любопытная для историка. Юрий Долгорукий обычно давал вновь построенным городам новые названия.

⁷⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 368; Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 418.

Переяславль получил свое название, несомненно, в честь южного Переяславля. Его прозвище «Залесский» становится нам понятным только в устах южанина, для которого вся Суздальская земля была землей, расположенной «за лесом», т. е. за теми гигантскими лесными массивами, которые отделяли Черниговскую землю от Суздальской. Поэтому и небольшая река, протекающая в Переяславле Залесском, получила название Трубежа в честь реки Трубезь, на которой стоит южный Переяславль. Дмитров получил свое прозвание в честь сына Юрия Долгорукого Дмитрия—Всеволода, родившегося во время пребывания княжеской семьи на реке Яхроме. Юрьев назван был в честь самого Юрия Долгорукого. Можно ли после этого особенно возражать против старинного московского предания, по которому Юрий Долгорукий назвал новый городок, основанный на

Москве—реке, городом «Москва» по реке, там текущей, заменив этим старое название «Кучково», известное еще в XII в.

Строительная деятельность Юрия Долгорукого преследовала не только создание новых крепостей, но и утверждение княжеской власти над богатыми земледельческими районами. Новые княжеские города были созданием Юрия Долгорукого, в котором следует видеть выдающегося князя—организатора.

В деятельности Юрия Долгорукого по постройке новых городов заметны и другие общие черты. Например, город Дмитров был построен в низине у рукава Яхромы (так называемой ранее Старой Яхромы), от которой в настоящее время не сохранилось почти никаких следов, но остатки которой видны были еще лет 20 тому назад.⁷⁸ Новый Дмитровский городок стоял, точно в яме, под холмами, над которыми возвышался старинный Борисоглебский монастырь. Такое расположение Дмитрова, однако, было очень удобно со стратегической и торговой точки зрения. Город прикрывал путь по Яхроме на юг к Клязьме, и обойти его в этом месте было трудно, так как войскам пришлось бы двигаться по непроезжей местности, перерезанной оврагами и ручьями, впадающими в Яхрому. Недостаток природных укреплений восполнялся огромным валом, который до сих пор окружает древний Дмитровский городок.⁷⁹

Другой новый город, построенный Юрием Долгоруким и носивший его имя, Юрьев, имеет большое сходство в своем местоположении с Дмитровым. Юрьев стоит на реке Колакше. «Местоположение его низменное и болотное, окрестности открыты и возвышены, отчего город представляется как бы стоящим в яме».⁸⁰ Укрепления состояли из вала, который еще в 1760 г. в некоторых местах достигал высоты в 8 сажен с аршином, т. е. 18 метров. Таким образом, укрепления Юрьева в основном напоминали укрепления Дмитрова.

Главным крепостным сооружением Переяславля Залесского был также вал, с одной стороны которого текла река Трубезь. В 1759 г. этот вал имел высоту до 8 сажен, как и в Юрьеве. Остатки рва носили название «гробли», как в домонгольское время вообще назывались рвы. Исследование топографических названий Переяславля Залесского и других древнерусских городов произведено до сих пор не было, но и переяславская «гробля» говорит нам о том, какими живучими были некоторые местные названия.

Отмечая общие черты в расположении трех городов Суздальской земли — Дмитрова, Юрьева и Переяславля, мы не можем обойти и того, что Московский городок был построен по совсем иному типу. Московский Кремль стоял на возвышенном мысу при слиянии двух рек, а не в низине. На наш взгляд, это объясняется не только особенностями московской местности с ее пересеченным характером (в конце концов, место для города могло бы быть выбрано ниже по течению реки в районе села Бесед и Угрешского монастыря), а тем, что Юрий Долгорукий

⁷⁸ См. план при книжке: Тихомиров М. Н. Город Дмитров. Дмитров, 1925.

⁷⁹ В 1214 г. дмитровцы уже «крепко бяхутся з города», т. е. деревянных укреплений, стоявших на валу.

⁸⁰ Семенов П. П. Словарь Российской империи. СПб., 1885. Т. V. С. 908 (Юрьев).

строил новый городок в определенном, уже обжитом районе, за которым давно утвердилось название Москвы.

Появление Москвы на страницах летописи под 1147 г. кажется нам внезапным только потому, что западные окраины Суздальской земли начинают нас интересовать лишь со второй половины XII в. До этого внимание русских историков целиком обращено на юг в сторону Киева. Между тем на севере идет большая строительная деятельность, которую развешивает Юрий Долгорукий. Можно придирчиво проверять ту или иную летописную фразу о построении Юрием того или иного города, но нельзя отрицать, что возникновение, по крайней мере, четырех городов Суздальской земли объясняется его строительной деятельностью. В числе этих городов находим и Москву. Поэтому памятник, который будет поставлен напротив Московского Совета Юрию Долгорукому как основателю города Москва, вполне им заслужен.

Юрий Долгорукий по праву может быть назван основателем Москвы.

СКАЗАНИЯ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ⁸¹

История Москвы с давнего времени привлекала к себе внимание. Заурядный город XII–XIII вв. в в. сделался столицей великого княжества, а в последующие два столетия – «царствующим градом», центром могущественного государства. Ответить на вопрос, «почему было Москве царством быть», пытались по-разному, так как никаких материалов о начале города, кроме домыслов, топографических названий и смутных легенд, не существовало. Так появились на свет сказания о начале Москвы. Наибольший интерес из этих сказаний имеют три повести, изученные в недавнее время С. К. Шамбинаго. Автор делит их на три самостоятельные «композиции», под названиями: 1) хронографическая повесть, 2) новелла, 3) сказка.⁸²

Нельзя признать эти названия особенно удачными, хотя в некоторой степени они и характеризуют содержание названных «композиций». Нам кажется, что повести о начале Москвы удобнее было бы обозначить менее претенциозными названиями, в какой-то мере отражающими их сюжеты, тем более что и так называемая «хронографическая повесть», и «новелла» имеют некоторые общие черты. Поэтому мы предпочли бы сказания о начале Москвы разделить на три группы: 1) повесть о зачале Москвы, 2) повесть об убиении Даниила Московского, 3) повесть об отшельнике Букале. Оставляя в стороне повесть об отшельнике Букале, остановимся только на двух первых сказаниях, происхождение которых, на наш взгляд, осталось неясным и после исследования С. К. Шамбинаго.

Повесть о зачале Москвы рассказывает об основании города Юрием Долгоруким и имеет в рукописях обычно такое заглавие: «О зачале царствующего великого града Москвы, како исперва зачатся». Повесть начинается небольшим введением, которое ставит своей целью доказать, что Москва является третьим Римом. По мнению автора повести, древний Рим и второй Рим (Константинополь) возникли на человеческой крови. Поэтому «и нашему сему третьему Риму, Московскому государству, зачало бысть не без крови». Далее следует рассказ о кровавых событиях, ознаменовавших начало Москвы: после смерти Владимира Мономаха на великом княжении сел его сын Юрий, а «в лето 6666», т. е. в 1158 г., князь Юр ий приехал в Москву, которая принадлежала тогда боярину Стефану Ивановичу Кучке. Боярин не воздал чести своему князю и был за это казнен. Двоих его сыновей, Петра и Акима, а также дочь Улиту Юрий Долгорукий отослал во Владимир к сыну Андрею. Улита сделалась женой Андрея, а Юрий вернулся в Киев, заповедав сыну «град Москву людьми населити и распространити». Улита не любила мужа, отказывавшегося от плотского сожителства с ней, и замыслила его убить. По ее наговору братья Кучковичи убили князя, но и сами погибли от Андреева брата, Михалка Юревича.

Повесть о зачале Москвы заканчивается кратким летописцем с известиями: о Всеволоде Большое Гнездо, о Батыевщине, о смерти Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, о Данииле Московском, об основании Успенского собора в Москве и Петре митрополите, об Иване Калите. Летописец кончается словами о детях Калиты: «сынове его остана Симеон, Иван».⁸³

Нетрудно заметить, что повесть о зачале Москвы представляет собой своеобразный московский летописец, в который вставлено предание о боярине Кучке. Поэтому С. К. Шамбинаго и назвал ее хронографической. Автор повести хорошо чувствует живописное положение Москвы, ее красивых сел, разбросанных по обеим сторонам реки. Он любит, вместе с Юр

⁸¹ Источниковедческое исследование первых легендарных произведений о Москве воспроизводится по изданию: Исторические записки. 1950. № 32. С. 233–241. – Прим. ред.

⁸² Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3.

⁸³ См.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 210 и сл.

ием Долгоруким, обширной панорамой, которая открывается с кремлевской горы – «по обе страны Москвы реки и за Неглинною». Так писать мог только москвич, любивший свой город и его чудесное местоположение.

Московское происхождение автора становится еще более ясным из полемического характера его вступления к повести. Автор возражает против «нецых» «от окрестных стран», которые поносят Москву: «кто убо чая и слыша, когда яко Москве граду царством слыти и многими царствы и страны обладати». Поэтому в задачу повести входит доказательство того, что Москва – третий Рим, возникла «по заклании и по пролитии кровей многих», так же как и древний Рим и второй Рим, или Константинополь. На основании этих слов С. К. Шамбинаго считает повесть о зачале Москвы очень поздней по своему происхождению – «не ранее конца первой половины века» (понимается XVII в.). «Появление хронографической повести о начале Москвы, – пишет С. К. Шамбинаго, – было вызвано желанием противопоставить иностранным гипотезам южных хроник свои объяснения происхождения стольного города».⁸⁴

В главе «Повести о начале Москвы», написанной С. К. Шамбинаго для «Истории русской литературы», находим некоторые дополнительные соображения о времени возникновения повестей о начале Москвы.⁸⁵ Правда, С. К. Шамбинаго на этот раз не дает точной датировки появления «хронографической повести», но, по—видимому, относит ее появление к еще более позднему времени, чем середина XVII в. Он указывает, что в повести повторена идеология старца Филофея о трех Римах, а «во второй половине XVII в. этими идеями был проникнут кружок „ревнителей благочестия“, любивших цитировать Филофея, выступая противниками никоновской реформы». Далее С. К. Шамбинаго пишет: «Можно думать, что появление хронографической повести вызвано желанием противопоставить схоластическим этиологиям с „Мосохом“ национальное объяснение происхождения стольного города».

Наблюдения С. К. Шамбинаго над текстом хронографической повести впервые с большой четкостью ответили на многие вопросы, возникающие при чтении повести о зачале Москвы. Так, С. К. Шамбинаго указывает, что источниками, которыми пользовался автор повести о зачале Москвы для своего рассказа, были, с одной стороны, живое предание о боярине Кучке как первом владельце Москвы, с другой – литературный источник (хроника Манассии). Вообще труды С. К. Шамбинаго насыщены интересными наблюдениями и основаны на большом рукописном материале. Однако возникновение повести о зачале Москвы рисуется нам по—иному, чем С. К. Шамбинаго.

Прежде всего, необходимо отметить, что так называемая «хронографическая повесть», или, по—нашему, повесть о зачале Москвы, имела предшественника. В этом нас убеждает знакомство с рукописью Барсовского собрания № 1473, которая заключает в себе разного рода сказания. В их числе находим сказание о Владимирской иконе, о митрополитах Фотии и Киприане, краткий владимирский летописец и т. д. Состав «Владимирского сборника», как, нам кажется, надо его называть, разнообразен, но почти все его статьи носят владимирское происхождение.

Сборник (в четвертку, на 172 листах) написан полууставом конца XVII в. В конце его дан расчет лет, из которого видно, что сборник составлен около 1655 г., а переписан в 1681 г.: «и от лета 6834 по лето 7163 – 328 лет, а до лета 7189–го году – 354 лета» (л. 161 об.). Такой же расчет годов найдем и в других местах этого сборника. Дело, видимо, надо понимать так, что первоначальный оригинал был написан в 1655 (7163) г., а данная рукопись переписана в 1681 (7189) г. Роспись панихид не оставляет сомнений, что сборник имеет отношение к Успенскому собору во Владимире. В нем имеется роспись панихид по указу Ивана IV, «по книгам».⁸⁶

⁸⁴ Шамбинаго С. К. Указ. соч. С. 76.

⁸⁵ История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. II. Ч. 1. С. 244 и сл.

⁸⁶ Сборник начинается сказанием о Владимирской иконе (начало утеряно), далее следует повесть о сретении Владимир-

Во Владимирском сборнике мы и найдем те элементы, которые вошли в повесть о зачале Москвы. Так, в нем помещено сказание об убиении Андрея Боголюбского, в котором говорится, что Андрей «многи добродетели показа к Богу и человеку». Рассказ об убиении этого князя еще близко стоит к летописи, но включил уже и кое—какие легендарные черты. В этом рассказе говорится, что с Москвы во Владимир пришел князь Михалко Юрьевич «и отмета злодейство беззаконного господу—убийц». После этого Михалко «бысть лето единодержавствуя, преставися к Богу».⁸⁷ Его брат Всеволод Юрьевич «сугубо возмездие учини самем Кучковичем и всему сродствию их, их же ухващая многоразличным смертием дати повеле, овех же в коробы пошивая во езеро истопить повеле». Во Владимирском сборнике мы найдем и дату построения Москвы, отмеченную в повести: «Того же лета 6666—го постави град Москву великий князь Юрьи Володимирович Долгорукий» (л. 154 об.). Отсюда же взята и дата расправы Михалко Юрьевича с Кучковичами и его смерти в 6684 г.

Итак, элементы, вошедшие в повесть о зачале Москвы, сложились сравнительно рано, во владимирских памятниках. Этим и объясняется та странность, что автор повести так мало говорит о самой Москве, а главное внимание обращает на суздальские события. Только конец повести возвращается к московским князьям и оканчивается на княжении Ивана Калиты. Эта часть повести основана на московских источниках, причем также летописного характера.⁸⁸ Таким образом, автор повести связал предание о боярине Стефане Кучке как о первом владельце Москвы с суздальскими сказаниями.

Когда же и где владимирский источник соединился с московским преданием о боярине Кучке? Как мы видели, С. К. Шамбинаго относит повесть к середине и даже ко второй половине XVII в., но его ссылки на элементы баснословия, господствующего в повести, не убедительны. Ведь это баснословие вовсе не XVII в., а гораздо более раннего времени. Уже в сборнике XV в. находим статью «а се князи русьстии». В ней рассказывается о наказании Кучковичей, которых Всеволод Большое Гнездо «в коробы сажая, в озере истопил». В этой же статье имеется намек на более раннее мщение Михалка Юрьевича за брата: «и в первое лето мстил обиду брат его Михалко».⁸⁹ Таким образом, элементы повести сложились, по крайней мере, в XV в. Можно предполагать, что предание об убиении Андрея Боголюбского и о наказании Кучковичей существовало задолго до XVII в., отдельно от предания о первом владельце Москвы — боярине Кучке.

Ключом к установлению времени возникновения повести, конечно, надо считать ее введение, где говорится о трех Римах. Слова «кто убо чая или слыша, когда яко Москве граду царством слыти и многими царствы и страны обладати» говорят нам о нападках на Московское царство его внешних врагов. В середине XVII в., когда, по предположению С. К. Шамбинаго, возникла повесть о зачале Москвы, вопрос об обладании Москвой многими царствами был решен. По—иному дело обстояло во второй половине XVI в. Это было время приобретения первых завоеванных «царств» — Казанского и Астраханского. «Когда яко Москве... царствы и страны обладати», — в этих словах чувствуется неуверенность самого автора повести в пра-

---

ской иконы (л. 5 об.), сказание вкратце о премудром Киприяне митрополите (л. 41 об.), его прощальная грамота (л. 44 об.), об убиении Андрея Боголюбского (л. 49 об.), о поставлении церкви Владимирской (л. 54 об.), о преславном великом князе Всеволоде Георгиевиче (л. 56), о великом князе Георгии Всеволодовиче (л. 73 об.), о гневе божием и о нахождении безбожного Батые (л. 81 об.), из летописной книги крещение Суздальской земли (л. 88 об.), сказание вкратце о Царьграде (л. 91), приход александрийского патриарха Иоакима (л. 124 об.), послание Ивана IV к александрийскому патриарху Иоаки—му (л. 134 об.), сказание о Фотии митрополите (л. 138), страдание ключаря Патрикия (л. 143), краткий летописец с 6498 (т. е. 990) г. до возведения в митрополиты Алексея (л. 153), роспись родословию великим князьям с указанием панихид, которые поются в Успенском соборе во Владимире

⁸⁷ В повести о зачале Москвы — «лето едино пребысть на великом княжении и умре».

⁸⁸ Составитель повести о зачале Москвы пользовался каким—то кратким московским летописцем. Датировка событий в некоторых случаях у него спутана, но сами известия не заключают чего—либо легендарного. Сходный по типу краткий летописец см.: ПСРЛ. Т. VII. С. 231–238.

⁸⁹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 435–436.

вах Москвы, желание объяснить ее быстрое возвышение. Эти слова особенно понятны в устах автора второй половины XVI в., когда Стефан Баторий и польские публицисты насмешливо отзывались о претензиях Ивана IV производить свой род от римского цесаря Августа: «Альбо для лакомства, альбо для пыхи до Пруса якогось фальшивого, а николи на свете не бывалого брата цесаря Августа род свой выводить».⁹⁰ Перед нами произведение, создание которого легче отнести к XVI в., чем к позднему времени.

Подтверждение наших выводов найдем при рассмотрении повести об убиении Даниила Московского, так как она стоит в явной связи и в зависимости от повести о зачале Москвы. Эта повесть, названная С. К. Шамбинаго «новеллой», представляет собой сказочное повествование с фольклорными мотивами о князе Данииле Московском и княгине Улите.

Она начинается словами: «И почему было Москве царством быть и кто то знал, что Москве государством слыти».⁹¹ Когда—то на месте Москвы стояли «села красные хороши» боярина Стефана Ивановича Кучки. У него были два красивых сына, «и не было столь хороших во всей Руской земле». Даниил приказал Кучке отдать ему сыновей в службу под угрозой разорения — «села твои красная огнем пожгу». Кучка испугался и отдал сыновей Даниилу, который одного Кучковича сделал стольником, а другого чашником. Юноши приглянулись княгине Улите, и она вступила с ними в преступную связь. Улита и Кучковичи задумали убить князя и напали на него на охоте. Даниил ускакал на коне от убийц. Оставив коня, он побежал к перевозу на реке Оке. Перевозчик не узнал князя и отказался перевезти его на другой берег без денег: «лихи де вы люди оманчивы, како перевези за реку, удете, не заплатя перевозного». Князь снял золотой перстень и положил его на весло, протянутое перевозчиком, а тот взял перстень, оттолкнулся от берега и не посадил Даниила в лодку. Князь побежал возле реки и скрылся на ночь в маленьком срубе, где был погребен мертвец. А Кучковичи были в страхе, что его упустили, боясь мести князя Андрея Александровича, брата Даниила. Но злая княжна Улита дала им пса—выжлеца. Кучковичи пустили «наперед себя пса выжлеца», и пес привел их к срубу. Братья нашли Даниила и убили его, вернулись в Суздаль и привезли Улите окровавленную княжескую одежду. У Даниила остался малолетний сын Иван, которого охранял верный слуга Давыд Тярдемив. По прошествии двух месяцев Давыд тайно взял княжича, примчался вместе с ним во Владимир к князю Андрею Александровичу и рассказал о злодеянии. Андрей собрал войско и пошел на Суздаль. Кучковичи бежали к отцу в Москву, а княгиня Улита попала в плен и была предана лютой смерти. Собрав войско, Андрей пошел на Москву, взял приступом «села и слободы красная» и предал Кучку с сыновьями лютой смерти, и «седе в тех красных селах и слободах жительствовати», в Суздале же и Владимире посадил «державствовати» своего сына Георгия. Андрей воздвиг в Москве церковь Благовещения («невелику сущи деревяную») и «около тех красных сел по Москве реке» построил город; «и оттоле нача именоватися ... град Москва». Андрей Александрович умер и оставил Москву князю Ивану Данииловичу, который взял к себе своего сородича, внука Андрея Александровича от его рано умершего сына Юрия—Дмитрия Юрьевича, «а Суздаль град и Володимер град во свою же Московскую область державствовати приим». Далее говорится о приходе к Ивану Давидовичу митрополита Петра, который предсказал, что Москва прославится над всеми странами, «рекомый второй Иерусалим».

По мнению С. К. Шамбинаго, повесть об убиении Даниила, как называемая «новелла», создавалась еще позже хронографической повести, значит, уже во второй половине XVII в. «Новелла, впрочем, увлекшись романтическим рассказом, совсем позабыла об основании Москвы в первой части», — справедливо пишет С. К. Шамбинаго о ее содержании. Однако

⁹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. С. 201 (примечания).

⁹¹ Текст повести приводится по недавно приобретенной рукописи Государственного исторического музея под условным названием — Сибирский сборник (в четверку, на 295 листах, скорописью первой половины XVII в., повесть об убиении Даниила помещена на л. 189 об. — 202).

причины создания такого странного памятника, каким является повесть об убиении Даниила Московского, остались неясными и после исследования С. К. Шамбинаго. Между тем и в бессмыслице хронологических показаний повести имеется своя закономерность.

Не надо производить большие исследования, чтобы заметить резкую разницу между первой и второй частями повести. Первая часть – это своеобразная песнь, «новелла», по выражению С. К. Шамбинаго, вторая – витиеватое и книжное повествование об Андрее Александровиче и Иване Калите. Перед нами произведения разного стиля. В песне имеется много народных выражений и образов: здесь и темные осенние ночи, и злая княгиня Улита, и пес —выжлец (борзая собака), обманщик—перевозчик и т. д. Имя Даниила точно случайно связано с рассказом, так как сами события происходят не в Москве, а то в Суздале, то на Оке. Во всей легенде нет ничего московского, и Кучковичи боятся, что раненый Даниил убежит «во град Владимир». Перед нами не московская, а суздальская легенда. Поэтому можно предполагать, что сам Даниил появился в легенде, вероятно, на место другого песенного персонажа, судя по именам княгини Улиты и Кучковичей – на место Андрея Боголюбского. Автор повести взял ходячую легенду, может быть, песнь о князе и неверной княгине, и соединил ее с прозаическими выписками из летописей, впрочем, далекими от известных нам летописных текстов. Получилось множество исторических несообразностей, в силу которых Н. М. Карамзин назвал автора повести об убиении Даниила Московского «совершеннейшим невеждой», основываясь на том, что в повести об убиении Даниила события XIII в. отнесены к XIV в.

Однако и невежество бывает разного рода. При всем своем невежестве автор иногда дает точные даты: 17 марта 1289 (6797) г. – день взятия Москвы князем Андреем Александровичем, 27 июня 1291 г. – устройство городских укреплений, смерть Андрея Александровича в 1300 (6808) г. Следует отметить, что подобные даты указаны в древнейшем тексте повести, помещенном в Сибирском сборнике. В изданных текстах эти события отнесены к концу XIV в.⁹² Откуда взяты эти даты – неизвестно, их нет в летописных памятниках, за исключением года смерти Андрея Александровича. Трудно настаивать на их достоверности, но нельзя и отвергать, имея в виду, что кончина того же Андрея Александровича в большинстве летописей отнесена к 1304 г., а в Рогожском летописце – к 1308 г.⁹³

Какими источниками, кроме устной суздальской легенды, пользовался автор повести об убиении Даниила Московского? Некоторый ответ на этот вопрос дает историческая справка о суздальском князе Андрее, который выступает мстителем за убитого Даниила. Исторический Андрей Александрович был старшим братом Даниила и умер почти одновременно с ним (в 1304 г.). У Андрея был сын Юрий, который и по повести об убиении Даниила умер раньше отца. Здесь, как мы видим, «совершеннейший невежда» оказывается неожиданно осведомленным. У Юрия, по повести, был сын Дмитрий Георгиевич, которого взял на воспитание подросток Иван Калита. Тут показания повести уже не могут быть проверены, так как сведений о продолжении рода Андрея Александровича не имеется.⁹⁴

Зачем же автору повести об убиении понадобилось вводить в свой рассказ забытого князя Андрея Александровича, оставившего по себе совсем не блестящую память? По – видимо, автор повести спутал двух Андреев. Почти современником Андрея Александровича был его дядя Андрей Ярославич, который считался родоначальником князей Шуйских. Крайне запутанные родословные счета легко позволяли отождествить Андрея Ярославича с Андреем Александровичем, а также их сыновей. Сами Шуйские в XVI в. указывали свой род только от

⁹² Например, в сборнике конца XVII в. находим такие даты: взятие Москвы отнесено к 17 марта 6890 г. (1382), построение града – к 6891 г. (1383), смерть Андрея – к 6892 г. (1384).

⁹³ ПСРЛ. Т. VII. С. 184; Т. XV. Вып. 1. 2-е изд. С. 35.

⁹⁴ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси. СПб., 1891. Т. II. С. 392 и сл.

великого князя Дмитрия Константиновича (умер в 1383 г.), не восходя к своему родоначальнику Андрею Ярославичу.⁹⁵

Вот здесь мы, кажется, и находим разгадку «совершенного невежества» автора повести об убийстве Даниила. Текст повести ясно обнаруживает стремление показать, что Шуйские произошли от того же гнезда, что и московские великие князья. Поэтому автор повести не постеснялся ввести исторические несообразности и сделал Андрея Александровича мстителем за Даниила и хозяином Москвы. Андрей благословил своего племянника Ивана Даниловича «державствовать» в городе Москве. К Андрею как ближайшему родственнику, к дядюшке, везут малолетнего Ивана Даниловича. Автор повести всюду старается сблизить москвичей, владимирцев, суздальцев и ростовцев. Поэтому Андрей воспитывает, по повести, Ивана Калиту, а Калита воспитывает сына Андрея – Юрия.

Для кого нужна была подобная подтасовка летописных известий, притом столь отдаленного прошлого, какую цель преследовал автор повести об убийстве Даниила Московского, сваливая в одну кучу самые различные исторические события? На этот вопрос, на наш взгляд, дают ответ события начала XVII в., связанные с воцарением Василия Шуйского. «Выкрикнутый» боярами и московскими посадскими людьми, Василий Иванович Шуйский тотчас же попытался обосновать свои права на московский престол происхождением от общего именитого предка – Александра Невского. Шуйский «учинился» на Московском государстве не только по выбору «всяких людей Московского государства», но и «по коленству», т. е. по происхождению, «по степени прародителей наших».⁹⁶

О своих правах на московский престол Василий Шуйский говорит в первой же своей грамоте: «Учинилися есмь на отчине прародителей наших, на Российском государстве царем и великим князем, его ж дарова бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от Римского кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского на сем Российском государстве быша прародители мои, и по сем на Суздальской удел разделишась, не отнятием и не от неволи, но по родству, яко ж обыкли на большая места седати»⁹⁷

В этих словах находим все элементы второй части повести об убийстве Даниила Московского с ее псевдолетописными справками. Шуйские ведут свой род от одного прародителя вместе с угасшим родом Калиты, у тех и у других один родоначальник – Александр Невский. Потомки Калиты сидят в Москве, а потомки Андрея Александровича – в Суздале, потому что они, как старшие, «обыкли на большая места седати». Так, те самые Шуйские, которые при Грозном тягались о старшинстве с другими боярами, внезапно предъявляют свои претензии на московский престол по праву первородства. Нет нужды говорить о том, что, утвердись Шуйские на престоле, и составленная ими родословная сделалась бы официальной. Тем самым претензии родственников угасшей династии (Мстиславских, Романовых), а также других боярских фамилий теряли всякое основание. «Совершеннейший невежда», таким образом, очень ловко старался обосновать права Шуйских на престол.

Дата возникновения повести, по нашему мнению, – начало XVII в.; она возникла не позже 1610 г. – времени свержения Василия Шуйского. С этим сходятся и показания древнейшей рукописи повести. Названная рукопись лишь недавно поступила в собрание Исторического музея в Москве и подробно описана М. В. Щепкиной.⁹⁸ По почерку и водяным знакам

⁹⁵ Русский исторический сборник. М., 1838. Т. II. С. 5 (местническое дело В. Ю. Голицына с И. П. Шуйским). Вот типичное родословие Шуйских: «Род Суздальских и Шуйских князей от Нижегородских великих князей. Князь Андрей Ярославич брат был меньшей великому князю Александру Ярославичу Невскому, а у князя Андрея дети князь Юрьи да князь Василей. А князь Васильевы дети Александр бездетен да Константин, а у князя Константина 4 сына» и т. д. Рукопись ГИМ. Уваровское собрание, № 766 (у Леонида – № 1509), Родословец в четверку, на 138 листах, скорописью XVII в., л. 18 (глава V).

⁹⁶ РИБ. Т. XIII. Стб. 69.

⁹⁷ СГГД. Т. II. С. 199 (№ 141).

⁹⁸ Это описание будет в ближайшее время издано. Автор приносит М. В. Щепкиной глубокую благодарность за указание на этот новый и древнейший список повести об убийстве Даниила Московского.

она должна быть отнесена к первой половине XVII в. Следовательно, сама повесть об убиении Даниила никак не может быть датирована серединой XVII в.

Между тем, автор повести об убиении Даниила Московского, конечно, знал уже повесть о зачале Москвы. Андрей Александрович «на утрии восстав и посмотрив по тем красным селам и слободам», так же как это сделал Юрий Долгорукий в повести о зачале Москвы. И там, и здесь действуют Стефан Кучка и его сыновья, там и здесь упоминаются московские «села красные». И в той, и в другой повести читаем известия с точными датами, относящимися к истории Москвы. Крымские татары, неверная жена Улита, мучительные казни, – все это ведет нас к XVI в., только что пережившему царствование Грозного. Как видим, повесть о зачале Москвы была одним из источников повести об убиении Даниила Московского и, следовательно, сама возникла в XVI в.

С. К. Шамбинаго с большой тонкостью подметил, что повесть об убиении Даниила (так называемая «новелла») – «достояние подвижного посада, ищущего в прошлом не фактов, а занимательности». Действительно, повесть была рассчитана не на ученых людей, а на тех «пирожников» и «шубников», которые возвели Шуйского на престол. Она соответствовала вкусам и понятиям людей XVI в. и в среде неученых людей она нашла читателей, которые часто и охотно ее переписывали. Недаром «села красные хорошие» Юрия Долгорукого напоминали о таком же Красном селе у самой черты города, жители которого так часто принимали участие в бурных событиях начала XVII в.

Наконец, прямым указанием на конец XVI – начало XVII в. как на время возникновения повести об убиении Даниила, могут служить заключительные слова повести о Москве как втором Иерусалиме. Напрасно С. К. Шамбинаго считает эти слова указанием на то, что повесть возникла во второй половине XVII в. По словам Ивана Тимофеева, царь Борис Годунов намеревался разрушить Успенский собор и построить в Москве новый храм, «яко же во Иерусалиме, во царствии си хотяше устроити, подражая мняся по всему Соломону самому».⁹⁹ Проект Бориса Годунова имел, несомненно, и своих апологетов, которые готовы были создать в Москве второй Иерусалим, подобно тому как позже «новый Иерусалим» был воздвигнут в окрестностях Москвы патриархом Никоном.

Хронологические несообразности и неточности обеих повестей о начале Москвы не лишают их некоторого исторического значения. Обе повести донесли до нас старое предание о древнем владетеле Москвы, Стефане Ивановиче Кучке. А это предание находит себе опору в существовании во второй половине XII в. двойного названия Москвы: «Москва, рекше Кучково» (иными словами: Москва, т. е. Кучково). Хорошо известно было и московское урочище – «Кучково поле» в районе Сретенских ворот.¹⁰⁰ Следует ли, отрицать достоверность существования боярина Кучки, если существовали «Кучковичи», убившие Андрея Боголюбского в XII в.» Предания связывали боярина Кучку и его сыновей и с Москвой, и с Суздалем. Таким образом, они сохранили нам память о боярском роде XII в. Историки литературы, конечно, оценят и литературные достоинства повести об убиении Даниила Московского, настоящей русской «новеллы» XVII в., по выражению С. К. Шамбинаго, насыщенной драматизмом событий, вводящей нас в круг тех поэтических произведений русских народных кругов, которые дошли до нас только в отрывках и, к сожалению, еще так мало оценены историками литературы.

Повести о начале Москвы и об убиении Даниила Московского, при всей их не Книжности, могут быть причислены к той политической литературе, которая так развилась в Русском государстве XVI в. Повесть о зачале Москвы утверждает права на Москву родоначальника московских князей – Даниила Александровича, повесть об убиении Даниила Московского ставит другую цель – объяснить права суздальских князей на московский престол.

⁹⁹ РИБ. Т. XIII. Стб. 341–342. О том же говорит и Масса (Масса И. Краткое известие о Московии. М., 1937. С. 63).

¹⁰⁰ См. Тихомиров М. Н. Указ. соч.

В этой небольшой статье я попытался обосновать свой взгляд на оба сказания о начале Москвы как на произведения XVI в. В моих построениях много гадательного, да иначе и не может быть при изучении недатированного памятника письменности, к тому же с явными чертами песенного творчества. Я разошелся в датировке этого памятника с С. К. Шамбинаго и попытался найти объяснение появлению подобного памятника в XVI в., отводя от его авторов обвинение в невежестве, считая, что и «невежество» имеет свою закономерность. А сказания о Москве – произведения достаточно яркие и в свое время должны были немало волновать современников. В данном случае их авторы в духе русской книжности начала XVII в. преследовали цель обосновать права Шуйских на русский престол. Ведь пользовались же распространением в XVII в. вымышленных разрядов в местнических и родословных спорах, а кн. М. М. Щербатов включил сведения из них в свою историю, после чего их уже цитировали как непреложную истину.¹⁰¹

---

¹⁰¹ 20 Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. М., 1888. С. 126.

II СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОСКВА В XIV–XV ВЕКАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ¹⁰²

Это исследование основано на другой книге – «Древняя Москва», напечатанной в 1947 году, но оно не является просто переработкой более раннего текста, как в этом легко убедиться читателю. В «Древней Москве» я ставил своей основной задачей доказать, что «Москва со времени первого появления своего на страницах летописей была городом, а не боярской усадьбой, что она развивалась вначале как небольшой, а позже как крупный торговый и ремесленный город Восточной Европы, связанный с большим международным обменом, в который были втянуты страны Востока и Средиземноморья, а позже Запада». Теперь нет необходимости эту мысль доказывать, так как она уже принята в нашей исторической литературе (см.: История Москвы. Т. 1. Изд.—во АН СССР).

Основной задачей, которую я стараюсь разрешить в этой новой книге, является более или менее всестороннее освещение жизни русского средневекового города XIV–XV столетий. Исследование ограничено рамками этих столетий, потому что предшествующие века в истории Москвы освещены только немногими письменными свидетельствами и археологическими находками, сделанными на ограниченной территории.

Есть основания и для ограничения нашего исследования XV веком, так как с конца этого столетия для Москвы начинается новый период. Внешним его показателем является строительство Кремля и переустройство посадов при Иване III. В области политической истории важнейшие события в истории России вообще и в истории Москвы в частности – это присоединение Новгорода (1478 г.) и падение татарского ига (1480 г.). В се эти события почти совпадают по времени. Поэтому автор старается по возможности не заходить за эту грань.

---

¹⁰² Книга написана М. Н. Тихомировым в середине 1950–х годов, опубликована в издательстве Московского университета в 1957 году. В основе ее – книга «Древняя Москва» (1947 г.; см. переиздание: *Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII–XV вв.)*; *Средневековая Россия на международных путях (XIV–XV вв.)* / Подгот. к печати Л. И. Шохин, под ред. С. О. Шмидта. М., 1990), но она не является простой переработкой более ранней книги. Исследование подводит итоги долголетнему изучению М. Н. Тихомировым истории Москвы, всесторонне освещает жизнь русского средневекового города XIV–XV столетий. На книгу появились рецензии: А. Монгайта (Новый мир. 1958. № 6. С. 269–271), А. П. Пронштейна (Вопросы истории. 1958. № 10. С. 195–199), М. Г. Рабиновича (История СССР. 1959. № 1. С. 212–215), Р. Johansen (Hansische Geschichtsblätter, Köln. 1959. Jj. 77. S. 217–218). Текст монографии был переиздан в сборнике: *Тихомиров М. Н. Средневековая Москва*. М.: Книжный сад, 1997. С. 32–308. В настоящей книге воспроизводится текст первого издания. Сноски оформлены по современным правилам. – *Прим. ред.*

РОСТ И ЗАСЕЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ТОПОГРАФИИ

Историк наталкивается на почти непреодолимые трудности, когда по обрывочным заметкам летописей и актов ему приходится восстанавливать черты древнего города, обычно основательно стертые прошедшими столетиями. Это в особенности можно сказать об изучении топографии древней Москвы XIV–XV веков. Для этого имеются свои основания. Ведь Москва в названные столетия только начинала принимать вид большого города. Позднейшее величие города повлекло за собой его переустройство и коренным образом изменило первоначальный облик Москвы. Московские здания великокняжеского периода казались мелкими и незначительными для позднейшего времени и были заменены более богатыми постройками. Поэтому сохранившиеся памятники древней великокняжеской Москвы не только редки, но и относительно малозначительны по сравнению, например, с памятниками Новгорода и Пскова того же времени.

Особенно трудно изучать топографию древнейшей Москвы XII–XIII столетий, так как летописи не сохранили нам ни одного топографического приурочивания, которое могло бы быть достоверно отнесено к XII–XIII векам. Поэтому, реконструируя картину древнего города в эти столетия, мы будем опираться главным образом на свидетельства позднейшего времени.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КРЕМЛЬ

Наиболее ранней частью исторической Москвы является Кремль. По мнению И. Е. Забелина, это «первоначальное кремлевское поселение города Москвы» основалось здесь в незапамятные времена.¹⁰³ Однако в явном противоречии с этим утверждением стоит то обстоятельство, что еще в XV веке москвичи твердо помнили о «боре», из деревьев которого была построена первая московская церковь Рождества Предтечи. Предание об этой церкви занесено в летопись под 1461 годом по случаю построения каменной церкви вместо деревянной. Говорят некоторые, замечает летописец, то была первая церковь в Москве: на том месте бор был, и церковь та в том лесу («в том лесе») была срублена тогда, она была соборной церковью при Петре митрополите, и двор митрополичий был тут.¹⁰⁴

В этом предании смешаны различные по времени события: построение церкви на месте древнего бора и значение этой церкви в более позднее время при митрополите Петре в качестве собора. Однако ценным является существование в XV веке прочной устной традиции («глаголют же») о позднем возникновении кремлевского поселения и существовании на его месте древнего бора. На тот же бор указывают и старинные топографические названия кремлевских урочищ, от которых получили свои прозвища Боровицкая башня и церковь Спас на Бору. На возможность относительно позднего заселения кремлевского холма указывает, быть может, и то обстоятельство, что на его территории в основном были обнаружены предметы XII века. Найденные в Кремле при постройке Оружейной палаты и поблизости от упомянутой церкви Рождества Иоанна Предтечи женские украшения, по определению А. В. Арциховского, относятся к XII веку и «принадлежат к классическому типу вятических семилопастных».¹⁰⁵

---

¹⁰³ Забелин Иван. История города Москвы. 2-е изд. М., 1905. Ч. 1 (далее – Забелин И. Е. История Москвы). С. 60.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 214.

¹⁰⁵ Арциховский А. В. Археологические работы в Москве // Преподавание истории в школе. 1946. № 1. С. 35.

Древнейшее летописное свидетельство о построении «города», крепости в Москве указывает именно на кремлевский холм, а не на какую—либо иную московскую местность. До сих пор это летописное указание было известно в несколько искаженной передаче печатного издания «Тверской летописи», которое допускало разные толкования. В печатном издании летописи читаем: «Того же лета (1156–го) князь великий Юрий Володимерич заложи град Москву, на устниже Неглинны, выше реки Аузы».¹⁰⁶ Выражение «на устниже Неглинны» звучит несколько необычно, связывая место построения Кремля с течением Москвы ниже впадения в нее Неглинной. Однако это выражение является результатом описки переписчика, так как в другом, до сих пор не опубликованном списке Тверской летописи находим: «Князь великий Юрий Володимерич заложи Москву на устии же Неглинны, выше реки Яузы».¹⁰⁷ Таким образом, Тверская летопись подтверждает, что «город», или Кремль, был построен в 1156 году на том же месте, где он стоял ранее, «на устии же Неглинны».

С. Ф. Платонов вообще был склонен сомневаться в достоверности показания Тверской летописи, видя в нем позднейшее припоминание, поскольку Юрий Долгорукий находился в 1156 году на севере и не мог строить город на Москве—реке.¹⁰⁸ С предположением об относительно позднем происхождении известия Тверской летописи можно согласиться и не настаивать на 1156 годе как на времени построения Кремля. Но если дата и не представляется вполне достоверной, то самый факт построения Кремля на устье Неглинной, выше реки Яузы, надо считать правильным. Ведь топографические припоминания нередко сохраняют для нас черты отдаленной древности. Московское предание XVI–XVII веков упорно указывало на Юрия Долгорукого как на строителя города Москвы.

Как же в таком случае понимать слова Тверской летописи о постройке города «на устии же Неглинны»? Если не считать это выражение просто желанием автора летописной заметки сказать, что город был построен на том же месте, на котором стоял и ранее, то надо говорить о двух событиях: о первом и втором построении городских укреплений Юрием Долгоруким.

Территорию этого второго Кремля – безразлично, будем ли мы его считать постройкой Юрия Долгорукого или более позднего времени – И. Е. Забелин вполне убедительно обрисовывает в следующих границах: «Со стороны речки Неглинной черта городских стен могла доходить до теперешних Троицких ворот, мимо которых в древнее время, вероятно, пролегла простая сельская дорога по Занеглименью в направлении к Смоленской и к Волоколамской или Волоцкой старым дорогам. С другой стороны, вниз по Москве—реке, такая черта городских стен могли доходить до Тайницких ворот или несколько далее, а на горе включительно до Соборной площади, так что весь треугольник города, начиная от его вершины у Боровицких ворот, мог занимать пространство со всех трех сторон по 200 сажен, т. е. в окружности более 600 сажен».¹⁰⁹

Такую территорию Кремля можно считать значительной для русских городов XII–XIII веков. Тем более можно удивляться, что в недавно вышедшей книге П. В. Сытина, посвященной планировке и застройке Москвы, дается «схема развития Кремля» с его явно преуменьшенными размерами в первый период существования.¹¹⁰

В начале XIV века территория Кремля была уже застроена зданиями. Кроме упомянутой ранее церкви Рождества Ивана Предтечи, в нем находим церковь Михаила Архангела, в которой в 1304 году был погребен князь Даниил Александрович. Позже в той же церкви похоронили Юрия Даниловича. Таким образом, Архангельский собор в Москве сделался княжеской

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. XV. С. 225.

¹⁰⁷ Рукопись ГИМ, Музейское собрание. Тверская летопись XVI века.

¹⁰⁸ Платонов С. Ф. О начале Москвы // Статьи по русской истории: Соч. 2-е изд. СПб., 1912. Т. I. С. 76–83.

¹⁰⁹ Забелин И. Е. История Москвы. С. 68.

¹¹⁰ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1, 1147–1762. М., 1950. С. 31. (Далее – Сытин П. В. История планировки.)

усыпальницей раньше княжения Калиты, вопреки тому, что обычно пишется в наших учебных пособиях и учебниках.

МОСКОВСКИЙ ПОСАД И ОКРЕСТНОСТИ ГОРОДА В XII – XIII ВЕКАХ

Городские дворы не вмещались в тесные пределы города уже в XII–XIII веках. Вокруг «города» в Москве возник посад вне городских укреплений. В существовании посада нас убеждает упорная традиция, по которой низина, помещавшаяся под кремлевским холмом и населенная с давней поры, носила характерное название «Подола». Этим названием, как известно, обозначался и ремесленно—торговый квартал древнего Киева, помещавшийся под киевскими холмами у берегов Днепра. В Москве в Подол входила вся территория между Москвой—рекой и кремлевским холмом, значительно более обширная в древнее время, чем в последующее, когда каменные стены разделили подольную часть города на две части. Но даже после построения стен при Дмитрие Донском на кремлевском Подоле жило немалое количество населения, здесь же стояли княжеские службы.

По предположению И. Е. Забелина, первоначальный Подол простирался до самого берега Москвы—реки. Здесь находилось береговое пристанище для речных судов. Таким образом, в районе Подола возник первоначальный московский посад, и картина первоначального города XIV–XV веков, обычно изображаемого в виде деревянного городка на вершине крутого холма, должна быть существенно изменена. Если вершина кремлевского холма была занята городком с земляным валом и деревянными стенами, то склоны его и низина под ним, обращенная к реке, были покрыты дворами горожан. Само название «Подол» ведет нас к домонгольскому времени, когда этим названием обозначали подгорную часть города. Таким образом, Москва встает перед нашими глазами в значительно ином виде, чем это порой рисуется в некоторых сочинениях, старающихся представить древнюю Москву даже не городом, а какой—то захудалой княжеской усадьбой.

В начале XIV века московский посад уже существовал. Намеком на это можно считать летописное свидетельство о нападении на Москву тверского войска в 1308 году: был бой у Москвы на память святого апостола Тита, и града не взяли.¹¹¹ В этой фразе «град», крепость, кремль, как бы противопоставляется остальной части города – неукрепленному посаду.

Существование московского посада уже в XII–XIII столетиях подтверждается раскопками, производившимися в Зарядье, в непосредственной близости к Москве—реке. Раскопки показали существование здесь культурного слоя, отложившегося примерно в X–XIII столетиях. Тут были обнаружены фрагменты глиняной посуды, в частности «обломки сосудов, покрытых глухой зеленой поливой, какие известны по находкам в Киеве и Владимире в слоях XI–XIII веков», а также стеклянные браслеты, шиферные пряслица (грузики) для веретен и пр.

На этом основании М. Г. Рабинович, производивший раскопки в Зарядье, пришел к мысли, что ремесленный и торговый посад Москвы уже в начальный период истории нашей столицы был весьма значительным и, «очевидно, далеко выдавался за пределы крепости».¹¹²

Этот вывод был автором еще более развит на основании более поздних раскопок. «Утолщение домонгольского культурного слоя к западу в направлении современного Кремля, — пишет он, — подтверждает наш прежний вывод о том, что поселение, открытое при раскоп-

¹¹¹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 87. Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 353 (далее – Троицкая лет.).

¹¹² Рабинович М. Г. Археологические исследования московского посада // Вопросы истории. 1950. № 5. С. 65–71.

ках в Зарядье, является окраиной города, центр которого должен был находиться на устье р. Неглинной».¹¹³

Возникновение московского посада М. Г. Рабинович готов относить к X–XI векам, то есть ко времени гораздо более раннему, чем княжение Юрия Долгорукого, которому приписывается основание Москвы как города. Но существование поселения в Зарядье даже в X столетии еще не обозначает, что в это время Москва была городом. Почему нельзя допустить, что на территории Зарядья стояло одно из «красных сел», о которых вспоминали московские предания»

Относительная заселенность московской территории говорит о возможности существования здесь какого-то населенного пункта, городка или ряда городков задолго до XII века. Действительно, мы знаем о существовании нескольких городищ в черте города, остатки которых еще можно было различить в начале прошлого столетия. Ходаковский, а вслед за ним Арцыбашев указывали на территории Москвы по крайней мере три городища.¹¹⁴ Одно находилось у Андроньева монастыря при впадении ручья Золотой Рожок в Яузу, другое – у церкви Николы в Драчах, или Грачах, которая была построена на «холме узлом при двух лощинах, брошенных течением Неглинной и ручья», третье – «Бабий городок», – на правом берегу Москвы-реки, у бывшей Бабьегородской плотины.

Между тем свои мысли о раннем возникновении Москвы как города М. Г. Рабинович с еще большей настойчивостью высказал в новой своей статье, носящей название «Материалы по истории великого посада Москвы».¹¹⁵ На этот раз он прямо говорит, что «начало поселений на исследованной территории относится к XI веку».

Это вывод, конечно, не встречает возражения, так как существование поселений на берегу Москвы-реки доказывается находками диргемов, найденных и далеко от того места, где производились раскопки, в устье речки Черторый и у Симонова монастыря. Но М. Г. Рабинович не останавливается на этом, а делает неожиданный вывод: «Для нас ясно, что к XI веку город достиг уже значительных по тому времени размеров, и его посад достигал линии современного Псковского переулка».

Невольно возникает вопрос: обоснован ли такой вывод? Ведь раскопки производились не на устье Неглинной, где автор предполагает существование города уже в XI веке, а на территории «великого посада». Между тем «великий посад» занимал большое пространство между Неглинной и Москвой-рекой. Там же, где производились раскопки, была только ничтожная часть «великого посада». Сами материалы, собранные в Зарядье, позволяют говорить, что поселение, существовавшее на подоле великого посада, в XI–XII веках было еще незначительным. На это указывает тонкость прослойки из угля и золы, которую сам же М. Г. Рабинович относит к разорению Москвы в 1237 году татарами. Тонкость этой прослойки привела его к мысли, что исследованная им территория «была в то время не особенно густо заселена».

Признавая большое значение раскопок М. Г. Рабиновича, этого неумолимого и вдумчивого исследователя древней Москвы, нельзя вместе с тем не отметить, что раскопки пока еще не дали решающих доказательств в пользу гипотезы, что Москва была значительным городом уже в XI столетии.

Так, прежде всего, остается недоказанным, что посад, вернее, его подольная часть, лежавшая у подножия Кремлевской и Китайгородской возвышенности, тянулась без разрыва вдоль Москвы-реки, хотя такое предположение и кажется на первый взгляд наиболее обоснованным. На схематическом плане Кремля, помещенном в книге Герберштейна XVI века, у Моск-

¹¹³ Рабинович М. Г. Великий посад Москвы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 57. С. 82.

¹¹⁴ Ходаковский А. Я. Отрывок из путешествия по России // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. М., 1838. Кн. 3. С. 35–86.

¹¹⁵ Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Сб. статей / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1954. С. 75–84.

ворецкого моста нарисован пустырь, хотя Кремль изображен окруженным с других сторон строениями. Эту особенность чертежа в книге Герберштейна можно было бы считать чисто условной, если бы не существовали другие свидетельства, показывающие, что у позднейшего Москворецкого моста лежало болото.¹¹⁶ В конце XV века тут стояла церковь Благовещения на Болоте, позже известная под названием Николы Чудотворца у Смоленских ворот.¹¹⁷ Таким образом, Великая улица, на территории которой копал М. Г. Рабинович, не имела выхода к Кремлю, а упиралась в болото у Москворецкого моста. Никольские, Фроловские (Спасские) и Константино—Еленские ворота находились уже на возвышенности. Само «утолщение домонгольского культурного слоя в направлении современного Кремля», подмеченное М. Г. Рабиновичем, не проверено на сколько—нибудь значительной территории. Поэтому позволительно сомневаться в том, что посад XII—XIII веков располагался в Москве длинной и узкой лентой вдоль реки. Скорее можно предполагать другое. Основная часть посада располагалась на возвышенностях Кремля и Китай—города. В двух местах посад спускался к реке: в Кремле — на Подоле и на посаде — у церкви Николы Мокрого.

Такое расположение первоначального московского посада объясняет, по какой причине в позднейшем Зарядье на большом протяжении от Москворецкого моста до Острого угла, где кончалась Китайгородская возвышенность, стояло только 6 церквей, да и то группами: 2 церкви стояли у Москворецкого моста, 3 — в Остром углу, и только одна, Николы Мокрого, — на середине Великой улицы. Между тем территория бывшего Китай—города была буквально усеяна церквями. Несмотря на свое название, Великая улица в Зарядье, в сущности, лежала в низине, в местности относительно мало удобной для жилья. Посад же в основном располагался на возвышенности. К тому же значительная часть первоначального посада позднее была занята Кремлем, расширявшимся на восток. Построение современного Кремля в конце XV века коренным образом изменило топографию старого посада, но следы того, что посад занимал и часть современного Кремля, долго еще оставались в виде ряда церквей, стоявших «на рву», отделявшем Кремль от Китай—города. Между Фроловскими (Спасскими) и Никольскими воротами даже в XVII столетии стояло 15 церквей. Одна из них была церковью Пятницы. Между тем церкви во имя Пятницы обычно сооружались на торговой площади, поблизости от главных въездных ворот.

Такое расположение торговых площадей с неизменной на них церковью Пятницы находим в ряде городов, соседивших с Москвой (например, в Дмитрове и Коломне). В самой Москве две другие Пятницкие церкви находились в Китай—городе, «что против Нового Гостиного двора», и за пределами Китай—города в Охотном ряду. Обе названные церкви были поставлены на торговых площадях, в непосредственной близости к городским воротам (первая — к кремлевским, вторая — к китайгородским). Существование церкви Пятницы в непосредственной близости к кремлевским стенам легче всего объяснить тем обстоятельством, что некогда эта церковь находилась на торговой площади, вне стен городка, после же построения новых кремлевских стен, разрезавших древнюю торговую площадь пополам, церковь осталась, а торг был отнесен на восток за пределы вновь созданных стен.

Где кончался посад XIII века, неизвестно, но Богоявленский монастырь стоял уже за пределами посада или на его окраине, хотя в настоящее время строения этого бывшего монастыря стоят поблизости от кремлевской стены. Еще в XIV столетии этот монастырь обозначался как находившийся «близ града Москвы», «на посаде града Москвы».¹¹⁸

¹¹⁶ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. II. Стб. 718 (далее — Забелин И. Е. Материалы).

¹¹⁷ Фехнер М. В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // Материалы и исследования по археологии Москвы / Под ред. А. В. Арциховского. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 119 (Далее — Фехнер М. В. Москва).

¹¹⁸ Житие Сергия Радонежского: «И прииде близ града Москвы и вниде в монастырь свя—таго Богоявления... на посаде града Москвы» (ПСРЛ. Т. XI. С. 131).

Местность, окружающая Москву, и в более поздние времена отличалась лесистостью. Громадные сосновые и смешанные леса начинались от самого города и тянулись на обширные пространства на север и восток. Однако не следует и преувеличивать эту лесистость, представлять территорию Москвы XII–XIII веков как сплошной и непроходимый бор. Летописи говорят о подмосковных селах, а устная традиция даже в XVII столетии помнила о «селах красных, хороших», которые разбросались по обеим сторонам реки во времена полулегендарного боярина Кучки.

На первых порах осваивалась наиболее удобная для поселения территория по долинам рек Москвы, Яузы и Неглинной. В непосредственной близости к Кремлю находилось село Семчинское, или Семцинское, названное уже в духовной Ивана Калиты. К таким же ранним селам надо отнести село Напрудское к северу от Кремля и село Михайловское на Яузе, упомянутые в той же духовной.

Ко второй половине XIII века относятся первые сведения о московских монастырях. Едва ли не самым ранним московским монастырем, о котором нам достоверно известно, был Даниловский монастырь, основанный на правом берегу Москвы—реки князем Даниилом Александровичем. Об этом монастыре и его основании в XVI веке рассказывали «неции от древних старцев». Настоятели Данилова монастыря уже в XIII столетии носили сан архимандритов, что указывает на особое значение монастыря. Существование в Москве монастыря с архимандритом во главе отчасти указывает и на возросшее значение Москвы как города, стремившегося выделиться из общего уровня по своей церковной иерархии.¹¹⁹

В повести о князе Данииле, составленной в XVI столетии, имеются кое—какие подробности об этом первом московском монастыре, позднейшие здания которого сохранились до нашего времени поблизости от современного Даниловского рынка.

По житию, Даниил поставил монастырь, «иже зовется Даниловский», тогда же в нем и церковь поставил во имя преподобного Даниила Столпника, «в том монастыре и архимандрита первого устрои». В этой же обители при конце своей жизни Даниил постригся в монахи и был погребен, но положен не в церкви, а «на монастыри, идеже и прочую братию погребаху». После перенесения архимандритии в Спасский монастырь в Кремле Даниловский монастырь окончательно оскудел, «только едина церковь и оста во имя святого Даниила Столпника, и прозвася место оно сельцо Даниловское».¹²⁰

В монастыре сохранялся камень, под которым будто бы был погребен князь Даниил. Если верить житию, Даниловское село существовало в XIII веке, следовательно, является древнейшим из известных нам подмосковных сел.

Ко времени Даниила восходит и Крутицкий монастырь под Москвой, если верить старому преданию, впрочем, не очень надежному. Во всяком случае, если храм на Крутицах и был основан уже в XIII веке, то остальные подробности о Крутицах, сообщаемые в сказании XVII века, лишь плод московского баснословия этого столетия.¹²¹

По монастырской записи, которую нет никаких оснований оспаривать, Богоявленский монастырь в Китай—городе был основан в 1292 году.¹²²

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 91. «Глаголють же неции от древних старецъ, яко переее бе князь Данило Александровичъ сию архимандритю имееше у святого Данила за рекою, яко в свое ему имя церкви той поставленной суши». Основание Данилова монастыря относится к 1282 г. (Указатель церквей и часовен Китай—города. М., 1916. С. 3).

¹²⁰ ГИМ. Синод. собр., № 803. Милютинские Четыи Минеи, 4 марта, л. 110–117 об. Автор повести говорит, что Даниил умер 4 марта 1303 (6811) г., а по Троицкой летописи Даниил умер 5 марта 1303 г. и был похоронен в Архангельском соборе в Кремле.

¹²¹ Забелин И. Е. История Москвы. С. 28–29.

¹²² Никодим, архиеп. Описание московского Богоявленского монастыря // Чтения ОИДР. 1876. Кн. III. См. также Указатель церквей и часовен Китай—города. М., 1916. С. 5.

СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕМЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

Первая половина XIV века, преимущественно время Ивана Калиты (1328–1340 гг.), отмечена переустройством Москвы как города, оформлением ее внешнего вида в качестве великокняжеской резиденции. Память о строительных работах Калиты осталась на долгое время у потомства. «Постави князь Иван Данилович Калита град древян Москву, тако же и посады в нем украсив, и слободы, и всем утверди», – пишет о деятельности Калиты поздний московский летописец.¹²³ На основании тех же преданий Герберштейн, посетивший Москву в начале XVI века, сообщает, что Кремль до княжения Калиты был мал и защищен только бревенчатой оградой. Калита расширил и укрепил его по совету митрополита Петра.¹²⁴

Летописные свидетельства показывают, что информация Герберштейна о построении Кремля при Калите была получена из хорошего источника. Так, летопись сообщает о пожаре города Кремника 3 марта 1331 года («бысть пожар – погоре город Кремник на Москве»). Новый пожар случился в Москве 3 июня 1337 года, причем нет никаких указаний, что во время этого пожара Кремник опять погорел. Через два года после второго пожара началась постройка нового города, особо отмеченная летописью: «На ту же зиму (1339 год) месяца ноября в 25, на память святого мученика Климента, замыслиша, заложиша рубити город Москву, а кончаша тое же зимы на весну в великое говеино».¹²⁵ Построение нового Кремля стояло в явной связи с московским пожаром 1337 года, оставившим о себе печальную память у современников. В этот пожар «Москва вся погоре». Бедствие довершил страшный ливень, потопивший имущество, спрятанное в погребах и вынесенное от огня на площадь.¹²⁶

Кремль 1339 года был выстроен из дуба – наиболее прочного лесного материала. Остатки дубовых стен Ивана Калиты найдены были при постройке Нового дворца. Они лежали в трех с лишним саженьях от современной кремлевской стены, обращенной к Неглинной. Дубовые бревна толщиной почти в аршин, полуистлевшие от долгого лежания в земле, были найдены на протяжении 22 аршин.

Так пишет И. Е. Забелин, ссылаясь на сочинение Вельтмана, но в самом тексте описания Нового дворца, составленном А. Вельтманом, об этом говорится менее ясно, но в то же время полнее, чем у Забелина.

«При возведении фундаментов под апартаменты их высочества, – пишет Вельтман, – открыто основание прежней деревянной Кремлевской стены, показывающее, что Кремль, до постройки каменной стены Дмитрием Донским, был гораздо менее в объеме. Ныне еще хранятся несколько дубовых дерев, лежавших одно на другом стеною, до 22 аршин в земле. Кроме того, открыты ниже горизонта земли фундаменты с цоколями нескольких деревянных зданий, свинцовые трубы, служившие проводниками воды, которая от Водовозной башни поднималась некогда для снабжения дворцов, и вероятно также для орошения верхнего сада. Из замечательных вещей найдены: медная кружка, заключавшая в себе разные грамоты, относящиеся

¹²³ Бычков А. Ф. Описание славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1878. Ч. 1. С. 154.

¹²⁴ «Эта крепость вначале была окружена только бревнами и до времени великого князя Иоанна, сына Данилова, была мала и незначительна. А этот князь, по совету Петра митрополита, первый перенес сюда столицу державы» (Герберштейн С. Записки о московских делах / Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908 (далее – Герберштейн. Записки). С. 100.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 92. Следовательно, строили город с конца ноября по март или апрель, «великое говеино» – великий пост.

¹²⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 348 (далее – Новгород. лет.).

к XIV и XV столетиям, и, наконец, относящиеся к языческим временам серебряные обручи, поручни, серьги и пр. и пр.¹²⁷».

Из этого описания становится ясным, что местность, занятая Новым дворцом, была заселенной с давнего времени. Нельзя только доверять определению вещей как языческих, сделанному Вельтманом, так как это только его домысел. Неясно также, по каким основаниям Вельтман определяет, что дубовый город Калиты был значительно меньше Кремля Дмитрия Донского, хотя для этого, видимо, были какие-то основания. Зато ясно можно судить о дубовой стене 1339 года.

Дубовые плахи представляли собой наружную облицовку деревянных стен, которые состояли из ряда срубов, засыпанных внутри землей. Так, например, укрепления Райковецкого городища, по сведениям археологов, «образовали рубленные из толстого круглого дуба клетки, загруженные плотно утрамбованной землей и несшие на своей верхней площадке бруствер—забора». ¹²⁸

Московский дубовый Кремль, действительно, представлял собой «рубленный город»; недаром в летописи о начале его постройки так и сказано: «заложиша рубити».

В летописях ничего не сообщается о размерах нового Кремля, но старинное предание, записанное Герберштейном, как мы видим, помнило, что территория его при Калите сильно расширилась. Границы Кремля времен Калиты на востоке с замечательной проницательностью устанавливаются И. Е. Забелиным. Он обратил внимание на то, что при обновлении Малого, или Николаевского, дворца в Кремле материк под слоями жилого мусора оказывался на глубине от 9 до 13 аршин. Такое явление обнаруживалось на дворе дворца в определенном направлении. Видимо, существовал древний ров, который направлялся с кремлевской горы на Подол. В XVII веке в этом направлении пролегал улица, а одна из находившихся здесь церквей называлась Рождеством Богородицы, «что на Трубе», потому что стояла «на трубе, проложенной на месте древнего рва для стока воды». ¹²⁹

В 1331 году впервые внутренняя московская крепость, или замок, названа Кремником (позже – Кремлем). Сделано было несколько попыток объяснить это название вплоть до производства его от греческого «кремнос», что обозначает крутизну, или крутую гору над оврагом или берегом. ¹³⁰ Такое несколько неожиданное словопроизводство находило сторонников и в наше время, но в сущности является простым созвучием. Непонятно, по какой причине греческое слово, обозначавшее крутизну, заимствовано было москвичами для названия городских укреплений, а самое главное – корень «крем», или «кром», употребляется на Руси для обозначения не одних московских укреплений. Так, «Кромом» с давнего времени называют внутреннюю псковскую крепость, очень напоминающую по своему расположению на высоком мысу, при впадении двух рек, московский Кремль. Кромом назывался также в конце XV века замок Великих Лук. ¹³¹ Псковские памятники знают термин «кримский» тать для обозначения вора, обокравшего Кром. Добавим к этому, что сам термин «Кремник» попал в нашу летопись по аналогии с

«Кремником» в Твери, следовательно, также не является специфическим московским термином. ¹³²

Возможно допустить происхождение названий «кремль» (кремник) и «кром» от разных корней, но нельзя обойти молчанием одновременное существование «кремников» и в Москве,

¹²⁷ Вельтман А. Описание Нового императорского дворца в Кремле московском. М., 1851. С. V–VI.

¹²⁸ История культуры Древней Руси. Т. 1. Материальная культура. М.; Л.: Изд.—во АН СССР, 1948. С. 451–452.

¹²⁹ Забелин И. Е. История Москвы. С. 82–83.

¹³⁰ Кубарев А. М. Откуда слово «Кремль». М., 1874; см.: Чтения ОИДР. 1873. Кн. IV.

¹³¹ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 194 («а идуще разве Кром взявша в Луках»).

¹³² ПСРЛ. Т. XV. 2-е изд. Вып. 1 (Рогожский летописец). С. 36 (под 1315 годом): «загореся град Тферь кремник»; на с. 37: «поиде в свою отчину в Тферь и заложи больший град кремник».

и в Твери. И. Е. Забелин считает «кремник» производным от слова «кремь», которое в северных русских наречиях обозначает бор, крепкий строевой лес, растущий среди моховых болот. Это словопроизводство, на первый взгляд, очень далекое от стен и башен деревянного города, в действительности наиболее достоверно объясняет названия замков в двух соседних городах, в Твери и Москве, как кремников. Кроме слова «кремь» для обозначения крепкого и крупного строевого леса в заветном бору, имеется еще «кремлевое дерево» – крепкое, строевое, здоровое, «кремлевник» – хвойный лес по моховому болоту.¹³³

Слово «кремник», или «кремль», могло обозначать характер постройки укрепления из хвойного, соснового дерева, в отличие от дубового города. «Кремник» сгорел, и на его место стали строить («рубить») дубовый город, или град. Тем не менее, как это часто бывает и на наших глазах, за московским замком сохранилось старое и привычное название.

Вновь построенный Кремль занимал большую площадь, чем его предшественник.

По предположению И. Е. Забелина, кремлевская стена в это время на северозападной стороне, обращенной к Неглинной, доходила до грота в Александровском саду, а на южной – до упомянутой выше трубы поблизости от церкви Константина и Елены. Видимыми координатами восточной стены Кремля времен Калиты являются старинные московские улицы Никитская и Ордынка, которая теперь не имеет выхода на север и обрывается напротив Кремля, на другой стороне реки. Ранее это были дороги. Никитская выходила к Волоколамску, Ордынка вела на юг, в сторону Золотой Орды.

К этому замечательному очерку местоположения Кремля Калиты, впрочем, можно сделать некоторое добавление. И. Е. Забелин считает, что обе дороги выводили к древнейшему торговому пристанищу на Подоле, между тем, как нам кажется, речь должна идти о другом – о соединении этих дорог на торговой площади перед Кремлем. Как говорилось уже выше, первоначальная торговая площадь явно не совпадала с позднейшей Красной площадью.

ПЕРВЫЕ КАМЕННЫЕ ЗДАНИЯ В МОСКВЕ

При Иване Калите в Москве появились первые каменные здания, на первых порах церкви. Первым каменным строением в Москве считается собор Успения Богоматери, заложенный 4 августа 1326 года.¹³⁴ Летописи связывают построение собора с утверждением в Москве митрополичьего стола и личным желанием митрополита Петра. Собор строился целый год и был освящен 15 августа 1327 года (т. е. на Успенев день). Наименование собора Успенским показывает желание великого князя и митрополита иметь соборный храм по образцу Успенского собора во Владимире.

Наименование церквей в древней Руси было явлением далеко не случайным и подчинялось определенным правилам. Так, в XI–XII веках соборные храмы больших городов, являющихся одновременно резиденциями епископов, именовались, по византийскому образцу, в честь св. Софии («Премудрости Божией»). Это, так сказать, древнейший слой церковных наименований, отразившийся в появлении Софийских соборов в главнейших центрах Руси XI века: в Киеве, Полоцке и Новгороде. В XII веке вместо Софийских появляются Успенские соборы (Смоленск, Владимир—Залесский, Владимир—Волынский, Суздаль, Ростов, Галич). Однако уже с XI века существует и другая традиция, по которой соборные церкви называются в честь Спаса. Традиция таких наименований начинается с черниговского собора Спаса Преображения, построенного в первой половине XI века. Она находит отражение на севере в XII–

¹³³ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М.: Изд. т—ва М. О. Вольф, 1914. Т. II. Стб. 486.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89: «В лето 6834... в Госпожино говение, месяца августа в 4, на память святого мученика Елфериа, заложена бысть первая церковь камена на Москве, на площади, во имя святыя Богородица, честнаго ея успения, преевященным Петром митрополитом и благоверным князем Иваном Даниловичем».

XIII веках, когда появляются соборы во имя Спаса в городах Тверь, Переяславль Залесский, Нижний Новгород, Галич Мерский, Торжок, Ярославль. Таким образом, определенные церковные традиции связывались с определенными политическими центрами.

Между тем имеются указания на то, что первоначальным московским собором была церковь Спаса, как и в Твери.¹³⁵ Иными словами, и по названию своей крепости – «кремник» – и по названию соборного храма в честь Спаса Москва имела сходство с соседней Тверью. Трудно только сказать, чем объясняется это сходство – сознательным ли подражанием московских князей тверским порядкам или общностью традиций Москвы и Твери. Построение Успенского собора обозначало резкий разрыв с прежней традицией и показывало претензию московских князей на особое положение Москвы среди русских городов, возвращение к традициям старых стольных городов северо—восточной Руси – Владимира, Суздаля, Ростова.

Строительство каменных храмов продолжалось при Калите в быстрых по тому времени темпах. В 1329 году выстроили вторую каменную московскую церковь – Иоанна Лествичника, оконченную в 3 месяца. Осенью того же года в течение двух месяцев воздвигли третью каменную церковь Поклонения веригам Петра, бывшую, впрочем, приделом Успенского собора. И. Е. Забелин связывает построение этих церквей с политическими событиями того времени, считая, что обе церкви были обетными, построенными в память удачного окончания похода против Твери в 1327 году и Пскова в 1329 году.¹³⁶ Такая возможность, конечно, не исключена, но построение этих церквей может быть объяснено и по—иному. Иоанн Лествичник был святым самого Калиты, на печатях которого изображен святой в рубище с книгой в руках, что соответствует Иоанну Лествичнику, как автору Лествицы,¹³⁷ а не Иоанну Предтече, изображение которого не имеет книги. Кроме того, старший сын Калиты (Иван) родился 30 марта на память Иоанна Лествичника. Вериги Петра напоминают нам о Петре митрополите, который заложил для себя в этой церкви каменный гроб. Следовательно, перед нами обычное стремление строить храмы в честь одноименных князей и митрополитов, очень распространенное на Руси.

Каменное строительство не прекратилось после создания трех указанных храмов. Новая каменная церковь Спаса («Спас на Бору») была построена в 1330, пятая каменная церковь Михаила Архангела – в 1333 году. Последняя церковь заменила собой деревянный храм, служивший княжеской усыпальницей. Что касается церкви Спаса, то она также имела специальное назначение – служить княжеским монастырем. Значение этого монастыря как одного из центров московской образованности как—то осталось не замеченным историками Москвы, хотя летопись особо отмечает заботы Ивана Калиты о процветании Спасской обители, снабженной иконами, книгами и сосудами за счет княжеской казны. Обращает на себя внимание и замечание летописи, что Спасский монастырь получил от Калиты «льготу многу и заборонь велику творяше им, и еже не обидимым быти никим же».¹³⁸ В этих словах скрывается прямое указание на пожалование Спасскому монастырю иммунитетных прав, по образцу которых впоследствии получали льготы и другие московские монастыри.

Каменное строительство при Калите развернулось в сравнительно короткий промежуток времени, на протяжении 9 лет (в 1326–1333 годы), после чего наступил длительный перерыв. Это обстоятельство, по—видимому, указывает на то, что строителями московских церквей были пришлые мастера и что собственная московская архитектурная школа возникла значительно позднее, во второй половине XIV века, иначе трудно объяснить своеобразную «сезон-

¹³⁵ ПСРЛ. Т. XV. 2–е изд. (Рогожский летописец). С. 40. В церкви Спаса на Москве положено было тело Михаила Ярославича Тверского, привезенное из Орды.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 91. Иоанн Лествичник строился с 21 мая по 1 сентября, а Поклонение веригам – с 13 августа по 14 октября.

¹³⁷ См. печать к духовным Калиты в СГГД. Т. 1. С. 33 и 35.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 92.

ность» каменного строительства в Москве при Иване Калите.¹³⁹ Такая особенность каменного строительства должна быть учтена историками русского искусства при их суждении о характере ранней московской архитектуры.

Сделаны были попытки реконструкции плана и внешнего вида Успенского собора, но их нельзя считать удачными. Наиболее ценно сближение архитектуры Успенского собора с некоторыми псковскими памятниками, так как участие псковских мастеров в московском каменном строительстве очень вероятно, если только строителями московских храмов не были тверичи или новгородцы.¹⁴⁰

---

¹³⁹ Каменный притвор к церкви Спаса на Бору был построен в 1350 г. (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 97).

¹⁴⁰ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М., 1936.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.